

критика

буржуазных

теорий

современного

экономического

развития

сша

В. Г. Сарычев

**Критика
буржуазных теорий
современного
экономического развития
США**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА» МОСКВА — 1967

33 (09)

C 20

—

1-7-2

376-67

ВВЕДЕНИЕ

Качественные изменения, происшедшие за последние годы в системе современного капитализма, вызвали необычайное оживление в буржуазной экономической науке. Рост государственно-монополистического капитализма, успехи рабочего движения, милитаризация, развитие внешнеэкономической экспансии, научно-технический прогресс, определивший крупные изменения в структуре общественного производства, и другие явления, свойственные нынешнему этапу общего кризиса капитализма, заставляют монополистический капитал искать для них теоретическое истолкование и оправдание.

При этом буржуазная экономическая наука должна учитывать, что экономические и политические проблемы, так остро вставшие перед современным капитализмом, возникли не только вследствие внутренних закономерностей капитализма, но и в результате борьбы двух противоположных систем; успехов социализма в экономическом соревновании с капитализмом, роста демократического и национально-освободительного движения.

Победоносное шествие идей социализма, привлечение на сторону коммунистического мировоззрения все более широких масс человечества вызывает у буржуазии необходимость идеологического сопротивления этому всемирно-историческому процессу. Вот почему принципиальной направленностью современной буржуазной политической экономии является ее ярко выраженный антикоммунизм, в основе которого лежит извращение сущности марксистско-ленинского экономического учения, фальсификация хозяйственной политики

коммунистических партий, клевета на цели и методы социалистического строительства.

Неотъемлемые от современной теоретической мысли капитализма грубые антикоммунистические выпады стали одним из главных идейно-политических орудий империализма, тщетно пытающегося предотвратить быстрое распространение социалистической идеологии. Теоретическая необоснованность этих выпадов, противоречащих всем очевидным фактам успешного созидания коммунистического строя на четвертой части земного шара, служит свидетельством беспомощности империализма нанести поражение марксизму-ленинизму на идеологическом фронте и является отражением глубочайшего кризиса и усиливающегося разложения буржуазной политической экономии.

Все это, несомненно, ставит перед апологетами капитализма дополнительные трудности в освещении теоретических проблем современной эпохи. Этим объясняется печать определенной «идеологической ущербности», которой явно отмечены широко распространенные в США «теории экономического развития», пытающиеся с тех или иных позиций обелить американский капитализм, показать его мнимые преимущества перед социализмом и приукрасить его дальнейшие перспективы.

Стремясь обработать общественное мнение, ученые апостолы буржуазного строя пытаются убедить, что капиталисты с помощью буржуазного государства способны организовать «управление» хозяйством, улучшить социальные отношения, устранить классовое неравенство и сделать капитализм приемлемым для трудящихся.

Однако задачей буржуазных теоретиков является не только пропаганда апологетических взглядов на капиталистическое общество, скомпрометировавшее себя многовековой системой классового угнетения, но и идеологическое наступление на марксизм-ленинизм с целью опровержения революционного вывода об исторической неизбежности смены капитализма коммунизмом.

Весьма важной чертой новейших теоретических изысканий буржуазных авторов служит то, что социальные заказчики требуют от них все больше конкретных расчетов и реальных советов по оздоровлению капиталистического общественного строя.

Вот почему «теории экономического развития» включают не только попытки объяснения и оценки новых явлений в американском капитализме, но и содержат определенные практические рекомендации для успокоения общественного мнения, встревоженного дальнейшими судьбами хозяйственной и социальной эволюции страны.

Ставленники буржуазии в экономической науке пускают при этом в ход не только традиционные теории, издавна использовавшиеся для восхваления капиталистического способа производства, но и теории, появление которых вызвано необходимостью «научно» обосновать современные тенденции экономического развития США.

Старые, «вечные» проблемы капитализма потребовали новых объяснений, новых теорий. Вот почему в буржуазном обществе столь велик спрос на новые экономические идеи, ставшие весьма ходким товаром. Главное, чего недостает Америке — и в этом сходятся все ее апологеты, — это теоретической основы для определения дальнейших путей ее хозяйственного развития.

Капитализм ныне, как никогда, нуждается в защите и в то же время апологетика его становится все более трудным делом перед лицом всем очевидных противоречий буржуазного общества.

Теоретическая мысль поэтому используется в качестве действенного идеологического орудия для маскировки антинародной реакционной сущности капиталистического строя и фальсификации социально-экономических явлений, свидетельствующих об углублении общего кризиса капитализма.

Лихорадочно ожидая рецепта оздоровления капиталистической экономики, монополии и государство быстро подхватывают любые даже наспех скомпонованные теории, обещающие хоть какое-либо облегчение капитализма от терзающих его недугов. Не случайно на содержание различных исследовательских учреждений в области экономики при правительстве и корпорациях (научно-исследовательские сектора, экономические бюро, группы экспертов) расходуются громадные средства. Видных буржуазных теоретиков активно привлекают в качестве штатных советников и консультан-

тов. Широко внедряется электронно-вычислительная техника специально для активизации аналитической и статистической работы. Большие надежды возлагаются на созданный при президенте «Совет экономических экспертов», определяющий основные направления в экономической политике страны.

Никогда не были так широко в ходу поддерживаемые официальными правительственными кругами разнообразные апологетические теории, пытающиеся объяснить содержание современного экономического развития США и прогнозировать пути их дальнейшей хозяйственной эволюции.

Особенно широкое распространение получили буржуазные теории «экономического роста», «неокапитализма», «организованного и регулируемого капитализма», «технологические теории», теории «социальной трансформации общества» и др.

Характерно при этом, что несмотря на все их кажущееся разнообразие, все они сводятся к утверждению той идеи, что в силу изменившихся за последние десятилетия социально-экономических условий произошла коренная модернизация американского капитализма, превратившегося будто бы в совершенно иное «справедливое» общество, лишенное тех отрицательных черт и закономерностей, которые были свойственны «старому» капитализму. Поэтому будто бы и марксизм-ленинизм борется ныне с «ветряными мельницами», с неким «символом» капитализма, критика которого Марксом была в свое время, возможно, и правильной, но в нынешних условиях потеряла смысл, так как относится к давно исчезнувшему, а не реальному капитализму.

«Капитализм в обычном смысле этого слова в настоящее время не существует», — пишет, например, известный профессор-экономист Брайанского университета (США) Дж. Монсен¹.

В условиях усиления идеологической уязвимости капитализма и роста притягательной силы социализма, когда широкие массы трудящегося населения все больше убеждаются в неспособности буржуазного

¹ J. M o n s e n. Modern American Capitalism. Boston, 1963, p. 13.

строю решить коренные вопросы современности и справиться с возрастающими экономическими и политическими трудностями, само слово «капитализм» стало для народных масс непопулярным и отталкивающим. Учитывая это, некоторые теоретики предлагают при характеристике современного общества «сменить вывеску» и отказаться от самого термина «капитализм», скомпрометированного своим прошлым, заменив его в демагогических целях наименованием «экономический гуманизм», «государство всеобщего благоденствия» и т. д. Следует подчеркнуть, что все это происходит в Соединенных Штатах Америки, где никогда, казалось бы, прежде не стеснялись своей приверженности к капиталистическому строю.

Подобные попытки приписать буржуазной системе некоторые черты социализма путем утверждения о преодолении капитализмом своей антагонистической сущности служат новым доказательством разнообразия средств социальной демагогии, применяемых защитниками буржуазного строя. В условиях ожесточенной идеологической борьбы между двумя общественными системами всякое использование привлекательной для трудящихся масс «социалистической» фразеологии имеет своей непосредственной целью теоретическую маскировку неприглядной капиталистической действительности. Аналогичные методы псевдонаучной игры в терминологию применяются буржуазными экономистами и в отношении империализма, который, по их мнению, выступает лишь как тенденция одних стран к колониальным захватам других стран, что существовало и в глубокой древности. Ныне же с ликвидацией колониальных империй произошла не более не менее как «самоликвидация империализма».

Подобная трактовка полностью противоречит определению империализма, данному В. И. Лениным, как монополистической стадии в развитии капитализма и отрицает рубежи его возникновения на грани XIX и XX вв. Усиление всевластия монополий в современном буржуазном мире служит лучшим опровержением нелепой идеи о мнимом исчезновении империализма.

Конечно, в послевоенный период капитализм (особенно это касается его материально-технической базы) претерпел существенные изменения. Однако эти измене-

ния не меняют эксплуататорской сущности капитализма. Сохраняются его производственные отношения, опирающиеся на извлечение буржуазией прибавочной стоимости, сохраняется основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частно-капиталистической формой присвоения результатов производства, действует всеобщий закон капиталистического накопления, анархия производства. Поэтому нет никаких оснований утверждать о происшедшем перерождении капитализма и трансформации его в новый идеальный строй.

Чем же объяснить столь грубые ошибки в освещении буржуазной экономической наукой проблем современного капитализма? Общим методологическим дефектом новейших буржуазных теорий экономического развития США является отказ от единства абстрактно-теоретического и конкретно-исторического анализа экономических процессов, которые так блестяще применяли К. Маркс и В. И. Ленин в своих трудах, посвященных капитализму. Создавая умозрительные теоретические построения, оторванные от реальной жизненной основы, буржуазные авторы отрицают исторически преходящий характер капиталистического способа производства, его историческую обреченность.

В противовес историческому материализму, исходящему из того, что развитие общества происходит на основе объективно действующих законов исторического развития, не зависящих от воли и желания людей, буржуазные экономисты проповедуют случайность, стихийность в экономической эволюции общества, отсутствие каких-либо закономерностей в структуре производственных отношений, игнорируют существование и смену общественно-экономических формаций. Из этого вытекает главная методологическая установка современной апологетической политической экономии, состоящая в провозглашении незыблемости капиталистического способа производства, его вечности и исторической целесообразности.

По мнению буржуазных теоретиков, экономические закономерности капитализма обеспечивают перманентное совершенствование его хозяйственной структуры и вполне способны наилучшим образом удовлетворять жизненные потребности всего населения.

Как и положено противникам материалистического понимания истории, буржуазные авторы с пренебрежением относятся к роли народных масс в поступательном ходе развития капитализма. «Историю творит не общество, а индивидуум», — утверждает видный историк Дж. Тойнби¹. В соответствии с этой позицией в издаваемых в США теоретических публикациях явно преувеличивается роль отдельных государственных деятелей и сам «счет» в экономической истории ведется «по президентам».

При этом не учитывается, что характер экономической политики американского правительства как прежде, так и ныне определяется требованиями господствующей верхушки монополистической буржуазии, и ни Кеннеди, ни Джонсон не являются в этом смысле исключением. Утверждая, что американский капитализм представляет собой вершину общественного развития, буржуазные социологи и экономисты, как справедливо отмечает прогрессивный американский экономист Дж. Будиш, единодушно защищают иллюзию, что «американская система частного предпринимательства соответствует законам природы»².

Это голословное утверждение, полностью игнорирующее социально-экономические противоречия современного капитализма, нетрудно опровергнуть: что может быть более противостоестественно, чем современное американское общество. Однако ведь именно основываясь на подобном взгляде, распространяются эгоцентрические воззрения об исторической избранности США, о том, что их ведущая роль в мире якобы «предопределена судьбой». Однако и апологеты американского капитализма не могут игнорировать наличие в стране безработицы, кризисов, социального неравенства, но считают, что эти пороки не присущи буржуазной экономике органически и могут быть устранены в рамках существующего способа производства.

Вот почему, провозглашая сложившуюся в США экономическую систему вечной и незыблемой, они вообще отрицают неизбежность дальнейшего исторического прогресса. На этой основе они приходят к абсурд-

¹ J. Toynbe. A study of History, vol. III. N. Y., 1957, p. 230.

² J. B u d i s h. Is Communism the Next Stage? N. Y., 1965, p. 20

ному пониманию развития лишь как совершенствования существующего строя, благодаря чему создается возможность исправить американский капитализм, модернизировать его и заштопать вскрывшиеся на нем проехи.

Метафизическое понимание процессов общественного развития обрекает буржуазные экономические теории на полную научную и практическую несостоятельность. Рецепты исправления американской хозяйственной системы выписаны неумелыми докторами. Выдвигаемые конкретные рекомендации вступают в конфликт с господствующей общественной системой и не выходят за рамки ни к чему не обязывающих советов. В рамках буржуазных идей экономические проблемы США не решить. Вот почему современные буржуазные экономисты полностью заслуживают нелестную характеристику, данную К. Марксом вульгарной политической экономии, которая сознательно становится все более **апологетической** и всячески старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия.

Более того, в условиях общего кризиса капитализма буржуазная экономическая мысль становится все более реакционной и лживой, открыто становясь на защиту узкоклассовых интересов монополистического капитала. Если раньше, во времена К. Маркса, буржуазная политическая экономия еще позволяла себе осторожно покритиковать капиталистические порядки, вскрыть некоторые пороки, присущие антагонистическому обществу, то нынешние экономические теории капитализма давно изжили подобные элементы критической направленности и в огромных масштабах обнаружили свою апологетическую сущность, измышляя все новые доводы для оправдания экономических трудностей капитализма. Все это усугубляет антинаучный характер современной буржуазной политической экономии и все более отдаляет ее от решения насущных проблем современного капиталистического развития.

В США начинают сознавать тот теоретический тупик, в котором оказалась буржуазная экономическая наука со всеми ее многочисленными направлениями. Показателем этого служит доклад Информационного агентства США, констатирующий, что «чем больше наша

пропаганда восхваляет добродетели капитализма и нападает на социализм, тем меньше мир любит нас»¹. Не случайно многие теоретики признают неудачу своих поисков путей дальнейшего развития американской экономики. Это проявляется в глубоком пессимизме, отличающем значительную часть представителей экономической науки США, сознающих бесперспективность улучшения капитализма в рамках существующих производственных отношений.

Открытые К. Марксом объективные законы развития общества убедительно доказывают историческую обреченность капитализма, а жизнь подтвердила правильность этого величайшего теоретического вывода. Капиталистические противоречия могут быть преодолены лишь в результате революционного ниспровержения буржуазного способа производства.

¹ J. Budish. Is Communism the Next Stage? N. Y., 1965, p. 8.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современное экономическое развитие Соединенных Штатов Америки отражает процесс дальнейшего усиления всех противоречий буржуазного общественного строя и обострения неустойчивости капиталистической хозяйственной системы.

«Ликвидация капиталистического строя в большой группе стран, развитие и укрепление мировой социалистической системы, распад колониальной системы и крушение старых империй, начавшаяся ломка колониальной структуры экономики освободившихся стран, расширение экономических связей между этими странами и миром социализма — все это углубляет **кризис мирового капиталистического хозяйства**», — отмечается в Программе КПСС¹.

Пытаясь преодолеть возникшие затруднения, «за-правила буржуазного мира возлагали особые надежды на применение методов государственного регулирования экономики, на научно-технический прогресс, на увеличение военного производства. Однако это не привело и не может привести к излечению капитализма от его коренных пороков»².

Производственные отношения монополистического капитализма не позволяют рационально использовать растущий производственный аппарат, вследствие чего

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1965, стр. 29.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1966, стр. 12.

существует значительная недогрузка предприятий, огромная безработица. Трудности реализации в силу недостаточного уровня производственного и личного потребления и несоответствия его структуре товарного предложения создают неразрешимую «проблему рынка». Капиталистическое расширенное воспроизводство осуществляется циклически, периодически прерывается экономическими кризисами перепроизводства и характеризуется ярко выраженной диспропорциональностью в хозяйственном развитии.

США представляют собой главную цитадель империализма и поэтому развитие американской экономики как в зеркале отражает противоречия, присущие всей капиталистической системе, взятой в целом. При этом трудности, переживаемые современной экономикой США в силу свойственной капитализму анархии производства, усугубляются ухудшением международного экономического положения США.

В результате действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран соотношение сил на международной капиталистической арене за последнее время существенным образом изменилось. Преимущества в системе капиталистического хозяйства, которыми обладали Соединенные Штаты в первые послевоенные годы, стали быстро утрачиваться. Несмотря на то что Англия и Франция потерпели огромный ущерб в результате крушения колониальных империй, они намного превзошли свой довоенный хозяйственный потенциал и выступают серьезной экономической силой на поприще внешнеэкономической капиталистической конкуренции.

ФРГ, Япония и Италия, восстановление которых проходило при основательной поддержке американских кредитов, охватывают в настоящее время 18,6% мирового капиталистического промышленного производства и 20,6% капиталистического экспорта, что превышает довоенный уровень (соответственно 14,8 и 17,6%) и ставит их в положение весьма серьезных соперников Соединенных Штатов в рамках капиталистической системы.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду КПСС отмечалось, что «...в отличие от первых послевоенных лет американские монополии теперь имеют дело с

окрепшими конкурентами, которые все чаще наносят доллару ответные удары»¹.

Хотя США в настоящее время остались главной экономической, финансовой и военной силой буржуазного мира, наблюдается, как признает американский экономист Д. Майкл, «постепенное уменьшение их роли как ведущей державы Запада»². Далеко уступая наивысшим достижениям послевоенного времени, Соединенные Штаты, по существу, вернулись к положению, занимаемому ими накануне войны. Например, доля США в промышленном производстве капиталистических стран, составлявшая в 1948 г. 55,8% и еще в 1955 г. достигавшая 50%, снизилась к настоящему времени до 45,1%, что не намного превышает уровень довоенного 1937 г.

Ухудшилось и положение США на мировом капиталистическом рынке. В 1945 г. США охватывали 40% мирового экспорта товаров, в середине 50-х гг. — около 21%, а в настоящее время — лишь 16,6%, т. е. почти столько же, сколько до войны. Все это свидетельствует о том, что происходит снижение относительного могущества США в капиталистическом мире. Совершенно очевидно, что США «прошли точку своего зенита и вступили в полосу заката»³.

Важнейшим качественным изменением в системе американского капитализма, вызвавшим много новых экономических проблем, является быстрое перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Этот процесс представляет собой закономерное явление и объективно отражает растущее обобществление производства. Именно поэтому, как указывал В. И. Ленин, государственно-монополистический капитализм в материальном отношении служит «непосредственным преддверием к социализму»⁴.

Действие закона концентрации производства и капи-

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1966, стр. 13.

² D. Michael. The Next Generation. N. Y., 1965, p. 62.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 31.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 170.

тала давно уже привело к господству в американской экономике монополий, а в современных условиях ускорило их связи с буржуазным государством. Активное поглощение мелких и средних фирм крупными корпорациями позволяет увеличивать совокупные размеры капиталов, вовлеченных в производство.

По подсчетам известного американского экономиста П. Самуэльсона, средняя продолжительность самостоятельного существования фирмы в США не превышает шести лет¹. Одновременно усиливается в стране экономическое влияние гигантских корпораций: в руках пятисот из них сосредоточено свыше половины всех активов в несельскохозяйственных отраслях экономики².

Быстрая дифференциация происходит не только в сфере капиталистического производства вообще, но и в рамках выделившегося монополистического капитала: среди 500 крупнейших корпораций-миллиардеров 24 обладают 41% их общей суммы активов и 48% всех прибылей. На долю 7 наиболее влиятельных банков Уолл-стрита приходится 97% всех коммерческих банковских операций в Нью-Йорке. Пользуясь своим возросшим могуществом, финансовый капитал и выдвинувшиеся в нем основные финансово-промышленные группы значительно усилили экономические связи с государством.

Подчинение экономической политики государства интересам монополистического капитала обеспечивается выдвижением в состав правительственного аппарата преданных представителей американской финансовой олигархии. Бывший президент Кеннеди и его брат — министр юстиции — принадлежали к ведущей верхушке американского монополистического капитала. Тесно связан с монополистическими кругами и нынешний президент Джонсон.

Государственный секретарь Дин Раск ранее состоял председателем «фонда Рокфеллера», министр обороны Макнамара занимал пост президента автомобильной корпорации Форда, министр финансов Диллон — один из владельцев крупного банкирского дома «Диллон,

¹ П. Самуэльсон. Экономика. Изд-во «Прогресс», 1964, стр. 92.

² «Monopoly Power and Economic Performance». N. Y., 1964, p. VII.

Рид» и т. д. Государство, по существу, стало комитетом по управлению делами американской монополистической буржуазии. В результате этого государство обслуживает хозяйственные нужды монополий и помогает справиться с возросшими конъюнктурными затруднениями на внутреннем и внешнем рынке путем увеличения правительственных закупок, предоставления субсидий, проведения благоприятной налоговой политики и т. д.

Государство в известной степени пытается стать регулятором воспроизводства, вмешиваясь в процесс накопления и концентрации капитала для создания монополиям наиболее благоприятных условий для дальнейшего прироста прибылей. Оно берет на себя ответственность за решение многих экономических проблем, связанных с производством и распределением продукции, стимулируя ее реализацию на внутреннем и внешнем рынках. Новые явления в сфере государственно-монополистического капитализма в США вызвали к жизни ряд буржуазных теорий, апологетически трактующих усиление сращивания финансового капитала с государством.

Существенные изменения произошли в послевоенный период в воспроизводственном процессе США. Наблюдается дальнейшая модификация капиталистического цикла: усиление конфликта между производительными силами и производственными отношениями привело к учащению кризисов. На протяжении последних 20 лет США четырежды подвергались воздействию экономических кризисов перепроизводства, жестоко потрясавших устои капитализма и вселявших атмосферу неуверенности в хозяйственную жизнь страны.

Темпы экономического развития не отвечают возможностям материально-технической базы капитализма, созданной многими поколениями трудящихся. Серьезным симптомом, характеризующим неустойчивость современного экономического положения США, является неспособность использовать имеющиеся производственные возможности, далеко превосходящие реальный платежеспособный спрос.

Показателем этого является постоянная недогрузка производственного аппарата. По официальным данным, в обрабатывающей промышленности не загружено 15%

производственных мощностей. Загрузка черной металлургии составляет лишь 68%, транспортного машиностроения (без автомобилестроения) — 76, промышленности строительных материалов — 78, общего машиностроения — 79, пищевкусовой промышленности — 80% и т. д. В своем послании Конгрессу в январе 1964 г. президент Джонсон заявил, что использование незагруженных производственных мощностей американской промышленности увеличило бы годовую сумму продукции на 30 млрд. долл.¹.

Отдельные отрасли американской промышленности развиваются крайне неравномерно. Значительный рост производства наблюдается в очень ограниченном числе отраслей, непосредственно связанных с техническим прогрессом, таких, как электроэнергетическая, химическая промышленность, точное приборостроение.

Происходящая ныне научно-техническая революция вызвала заметные структурные сдвиги и изменения в производственных и технологических процессах. Появились новые отрасли, связанные с электроникой, полупроводниками, кибернетикой, применением атомной энергии. На этой основе происходит существенное обновление основного капитала, служащее одним из главных стимуляторов экономического роста страны.

Однако в большинстве «старых» отраслей промышленности царит застой. Уровню, достигнутому в середине 50-х гг., значительно уступает нынешнее производство многих важнейших видов продукции: энергетического машиностроения (турбины, паровые котлы), транспортного машиностроения (тепловозы, грузовые и пассажирские вагоны), пиломатериалов, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, потребительских товаров длительного пользования и др.

Наибольший упадок характеризует добывающую промышленность — угольную и железорудную, находящуюся на уровне начала XX в. Даже всегда быстро развивавшаяся нефтяная промышленность за последние 8 лет давала лишь 1,5% ежегодного прироста. Проблема темпов, поиски методов стимулирования промышленного производства выступают вследствие этого на

¹ «The Economic Report of the President». Washington, 1964.

первый план в официальной экономической политике США.

Серьезным кризисом давно уже охвачено американское сельское хозяйство. Производимая в сельском хозяйстве продукция далеко превосходит размеры предъявляемого на нее спроса и не отвечает уровню и структуре реального потребления. Вследствие этого в американском сельском хозяйстве с каждым годом осложняются условия реализации и накапливаются громадные товарные излишки. Общий объем нереализованного зерна в США достигает к настоящему времени 160 млн. т. Только на складах правительственной товарно-кредитной корпорации сосредоточены запасы сельскохозяйственной продукции на сумму в 4,3 млрд. долл.¹.

Характерным при этом является то, что ответственность за осложнение в стране проблемы сельскохозяйственного сбыта буржуазные авторы перелагают на самих фермеров. П. Самуэльсон приводит слова американского экономиста У. Николса: «Основная аграрная проблема в будущем — это не «излишки» хлопка, пшеницы или грейпфрутов. Скорее — это проблема «излишних» фермеров»². Тем самым, по его мнению, в перепроизводстве виноваты фермеры, которых, дескать, «слишком много».

Рыночные затруднения вызывают торможение развития производительных сил в сельском хозяйстве, искусственное ограничение размеров сельскохозяйственного производства, боязнь хорошего урожая. Несмотря на благоприятные климатические условия, плодородие почв и интенсификацию производства, выпуск сельскохозяйственной продукции в настоящее время далеко уступает наивысшим показателям, достигнутым в 1958—1960 гг., а в расчете на душу населения и вовсе не увеличился на протяжении последних десяти лет. Это служит показателем серьезных разрушительных процессов в американской аграрной системе.

Рушатся утверждения многих буржуазных экономистов о преобладании в сельском хозяйстве США трудовых «семейных» ферм. В силу действия закона кон-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», р. 635.

² П. Самуэльсон. Экономика, стр. 473.

центрации господствующее положение в нем заняли крупнокапиталистические хозяйства, фермерство рас-слаивается и мелкие хозяйства, не выдерживающие рыночной конкуренции, исчезают. Согласно последней сельскохозяйственной переписи 1959 г. наиболее крупные фермы, составляющие 3,7% от общего их числа, владеют половиной используемых земель. С другой стороны, 46% фермеров владеет лишь 6% используемых земель. На их долю приходится всего 5% товарной сельскохозяйственной продукции¹.

В послании Конгрессу «О положении в сельском хозяйстве» президент Джонсон в феврале 1966 г. указывал, что эти фермерские хозяйства имеют доходы ниже прожиточного минимума. Фигура фермера, всегда служившая в США олицетворением процветания, служит ныне символом неблагополучия. Вот почему П. Самуэльсон пишет: «Если представить себе нашу экономику в виде качающейся доски, то фермер находится на самом ее краю»². Доходы фермеров подрываются «ножницами цен» — разрывом между непрерывно повышающимися ценами на покупные (промышленные) изделия и снижающимися ценами на реализуемые продовольственные товары. По сравнению с 1952 г. этот разрыв увеличился на одну четверть»³.

Задолженность фермеров по займам и кредитам, включая залог земли и построек, непрерывно растет и достигла в 1965 г. 38 млрд. долл. В банках, страховых компаниях и других кредитных учреждениях к настоящему времени заложено свыше 32% всей фермерской земли с совокупной площадью в 144 млн. га. Общая сумма ипотечной задолженности превышает четвертую часть стоимости всех заложенных ферм⁴. В настоящее время лишь 57% фермеров являются полными владельцами недвижимости, остальные фермеры полностью или частично обезземелены и вынуждены прибегать к аренде, выплачивая землевладельцам соответствующую ренту⁵.

Многие фермеры в подобных условиях полностью

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 614.

² П. Самуэльсон. Экономика, стр. 477.

³ «Labor Fact Book. 17». N. Y., 1965, p. 22.

⁴ «Statistical Abstract of the United States, 1965», pp. 630—631.

⁵ Ibid., p. 614.

разоряются и переселяются в города. За десятилетие, закончившееся 1963 г., покинуло фермы 8 млн. американцев. В ближайший период этот процесс усилится: ожидается, что к 1973 г. еще 10 млн. человек переместится в города¹. Этот процесс «вымывания» фермерства отражает аграрное перенаселение США, отлив «ненужных» рабочих рук. В результате широкого применения на капиталистических фермах технических средств производительность сельскохозяйственного труда значительно возросла. Потребности ферм в рабочей силе уменьшились.

Это привело к заметному росту постоянного капитала в земледелии и животноводстве и относительному сокращению в сфере сельскохозяйственного производства переменного капитала. Изменившееся соотношение «с: v» выражает рост органического строения капитала в американском сельском хозяйстве, что имеет далеко идущие социально-экономические последствия, свидетельствуя о превращении сельскохозяйственного труда в разнородность промышленного.

В целом по стране удельный вес сельских жителей в общей численности населения сократился к 1964 г. до 6,7% против 11,8% в 1954 г.².

Меры государственно-монополистического регулирования сельскохозяйственного производства и сбыта не дали желаемых результатов. Характерно, что экономическая комиссия Конгресса вынесла в 1965 г. заключение о том, что политика американского правительства в области сельского хозяйства «помогла всем, но только не фермерам»³. Проблема реализации сохраняет свою остроту. Поэтому важнейшей задачей для преодоления затянувшегося аграрного кризиса и главной экономической функцией государства в области сельского хозяйства на современном этапе считается дальнейшее ограничение сельскохозяйственного производства.

Огромное беспокойство в США вызывает проблема рынка. Вследствие анархии производства и диспропорциональности в развитии отдельных отраслей процесс

¹ B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America. Boston. 1964, p. 93.

² «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 614.

³ «Labor Fact Book. 17», p. 20.

расширенного воспроизводства осложнился, что привело к углублению разрыва между уровнем производства и размерами реального потребления. Благодаря этому увеличиваются трудности реализации и непрерывно возрастают товарные запасы, все более ухудшающие и без того неустойчивую конъюнктуру капиталистического хозяйства США. За последнее время во всех отраслях американской экономики произошло накопление огромного количества непроданных товаров, до предела переполнивших склады. Товарные запасы, сосредоточенные в сфере промышленности и торговли, к началу 1965 г. составили 118 млрд. долл. против 80,3 млрд. долл. в 1955 г.

Товарные запасы стали подлинным бедствием американской хозяйственной системы. Они крайне отрицательно отражаются на дальнейшей загрузке производственных мощностей и создают условия для нового осложнения проблемы реализации.

Излишние запасы тормозят процесс воспроизводства и накопления, задерживают производительное функционирование капитала, сокращают время и масштабы производства прибавочной стоимости. Как отмечает К. Маркс, «такое состояние товарного капитала, при котором он образует запас, представляет собой нецелесообразное, вынужденное пребывание на рынке»¹.

Резкое возрастание товарных запасов и продолжительности срока их хранения, рост затрат на товаропродвижение (дальние встречные перевозки, содержание разбухшего торгового аппарата, реклама и т. д.) значительно увеличивают непроизводительные, чистые издержки обращения, представляющие собой вычет из стоимости. Это свидетельствует о расточительстве современной капиталистической торговли, неразумном использовании живого и овеществленного труда в сфере обращения.

Обороты розничной торговли в США растут медленно, увеличиваясь за год в среднем примерно на 2,2%, что уступает темпам товарного производства. Причиной этого является низкая покупательная способность трудящегося населения, ограничивающая емкость внутреннего рынка. В Программе КПСС указывается: «Совре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 24, стр. 156—157.

менный капитализм крайне обострил **проблему рынка**. Империализм бессилён решить эту проблему, ибо его закономерностью является отставание платежеспособного спроса трудящихся от роста производства»¹.

Большие надежды по рассасыванию товарных запасов и расширению рынка возлагаются в США на развитие потребительского кредита. За последние годы продажа потребительских товаров в кредит чрезвычайно выросла, достигнув 70 млрд. долл. против 38,8 млрд. долл. в 1955 г.². Потребительский кредит, став средством искусственного подхлестывания покупательского спроса, для некоторых товаров длительного пользования превратился по существу в основную форму рыночной реализации.

В общей сумме розничного товарооборота США продажа в рассрочку занимает около 30%. Свыше 60% американских семей имеют задолженность по потребительскому кредиту. Широкое распространение товарного кредита чревато серьезными отрицательными последствиями. Сбыт, обеспеченный за счет будущих доходов населения, не может быть устойчивым в силу постоянной опасности нарушения своевременной уплаты текущих взносов. Погашение обязательств по кредиту отнимает уже сейчас примерно 20% всех доходов средней американской семьи и это неизбежно скажется на соответствующем уменьшении покупательных фондов населения в последующие годы. К тому же цены на товары, продаваемые с рассрочкой платежа, как правило, значительно выше обычной розничной цены и на этой разнице как раз и греют руки торговые капиталисты.

Трудности на внутреннем рынке усиливают внимание в США к внешним рынкам. Показателем этого служат решительные меры по развитию внешней торговли и особенно в области форсирования экспорта, в осуществлении которых правительства Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона на протяжении последнего десятилетия проявили полное единодушие. В этих целях применялись меры политического нажима, переплетение товарного экспорта с предоставлением экономиче-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 28.

² «Statistical Abstract of the United States, 1964», p. 466.

ской и военной «помощи», демпинг, протекционистские действия в области импорта и т. д. Эта политика дала определенные результаты и привела к значительному расширению американской внешней торговли, обороты которой выросли после 1955 г. на 70% и превышают довоенный уровень более чем в 7 раз.

Однако обострившаяся в современных условиях межимпериалистическая конкуренция серьезно затрудняет дальнейшее проникновение США на мировой рынок.

Проблема реализации находится в центре внимания американских буржуазных теоретиков, причем в расстройстве рыночного хозяйства они видят первопричину всех экономических затруднений капитализма. Отсюда вытекает фетишизация рыночных отношений, стремление доказать, что увеличение емкости рынка само по себе, автоматически избавит капитализм от всех его противоречий. Этим объясняются настойчивые попытки тщательного анализа сферы капиталистического обращения и поиски путей искусственного форсирования спроса.

Одной из наиболее острых проблем современной Америки является проблема занятости, тщетно ожидающая своего скорейшего разрешения. Постоянная безработица давно уже стала неотъемлемой стороной американской хозяйственной жизни, сохраняясь даже в периоды относительного оживления экономики. Появился в связи с этим специфический термин: «ползущая безработица», под которой понимается «безработица в условиях процветания». Возникли устойчивые группы безработных, для которых безработица стала, по признанию буржуазных исследователей, «образом жизни»¹.

На протяжении последних пяти лет общее число полностью безработных в США не опускалось ниже 3,5 млн. человек, против 2,5 млн. человек в период 1951—1955 гг.² Кроме того, по официальным данным, в стране насчитывается 2,5 млн. человек частично безработных, занятых неполную рабочую неделю, и примерно столько же лиц, хотя и имеющих закрепленные за ними рабочие места, но фактически нигде не рабо-

¹ «Unemployment and the American Economy». N. Y., 1964, pp. 36—37.

² «Statistical Yearbook, 1965». N. Y., 1966, p. 114.

тающих¹. В результате технологических изменений в производстве и связанного с ними роста производительности труда общее количество рабочих мест в стране сократилось по сравнению с 1955 г. почти во всех отраслях промышленности, в строительстве, на транспорте².

В послании президента Джонсона Конгрессу в 1965 г. содержится признание того, что в стране ощущается нехватка 5 млн. рабочих мест. Хроническая массовая безработица в США, по заявлению лидера американских профсоюзов У. Рейтера, представляет собой подлинное национальное бедствие. За последнее десятилетие потери США от безработицы составили 22 млн. человеко-лет³, что служит свидетельством крайне расточительного использования самой ценной производительной силы общества. Меры помощи безработным, принятые под нажимом рабочего движения, охватывают лишь часть лишившихся работы и по своим размерам не могут восполнить терпимые ими потери (в среднем пособия покрывают около 36% заработной платы и выдаются на ограниченный срок⁴).

Ряды безработных постоянно пополняются за счет вытеснения рабочей силы из производства в результате технического прогресса и автоматизации, непрерывного отлива в города сельского населения, а также пополнения рынка рабочей силы за счет подрастающей молодежи. Предприниматели хотят иметь дело с наиболее работоспособной частью населения, обладающей к тому же необходимыми производственными навыками. Для остальных категорий рабочей силы поиски работы практически безнадежны.

«Если человек теряет работу в возрасте свыше 45 лет, — пишет Б. Багдикян, — вероятность того, что он никогда больше не найдет постоянной работы, чрезвычайно высока⁵. Не случайно, что почти 30% всех безработных (1 млн. человек) — это люди, перешагнув-

¹ «Labor Fact Book. 17», p. 13.

² «Statistical Abstract of the United States, 1965», pp. 220—223.

³ H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 150.

⁴ «Labor Fact Book. 17», pp. 34—35.

⁵ B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America, p. 105.

шие свое сорокапятилетие¹. «Страна всегда была безжалостна к пожилому рабочему», — признает в этой связи профессор О. Экстейн². Очень большие трудности сопряжены с устройством на работу молодежи, все более интенсивно пополняющей ряды самодостаточного населения.

Вследствие высокой рождаемости первых послевоенных лет число жителей в возрасте до 18 лет в 1965 г. на 50% превысило уровень 1950 г.³. Как подсчитал американский экономист Э. Шилс, это означает, что ежегодный прирост «предложения» на рынке рабочей силы только за счет молодежи в настоящее время превышает 2 млн. человек, а к 1970 г. достигнет 3 млн. человек⁴. Вот почему уже сейчас 40% всех безработных составляет молодежь в возрасте от 16 до 24 лет.⁵

Учитывая, что за последние 10 лет общее число занятых в США увеличивалось ежегодно в среднем не более чем на 700 тыс. человек⁶, следует сделать вывод о том, что пополнение рынка рабочей силы будет намного превосходить реальный прирост новых рабочих мест, что, несомненно, создаст дополнительные трудности для разрешения проблемы занятости. Наличие постоянной армии безработных служит одним из важнейших факторов, определяющих современное материальное положение американского рабочего класса, вселяя в него чувство беспокойства за будущее, страха перед наступлением старости и сокращая покупательную способность вследствие необходимости сбережений «на черный день».

Уровень материального благосостояния американского населения не отвечает возможностям растущей производственной базы. 35 млн. человек (20% всех американских семей) получают доходы ниже 5 тыс. долл. в год, а 14 млн. человек — менее 2 тыс. долл., хотя официальный прожиточный минимум в США определен

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 218.

² «Unemployment and the American Economy», p. 129.

³ B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America, p. 16.

⁴ E. Shils. Automation and Industrial Relations. N. Y., 1963, p. 36.

⁵ «Labor Fact Book. 17», p. 33.

⁶ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 216.

в размере 6 тыс. долл.¹. В послании Конгрессу об экономическом положении страны президент Джонсон в начале 1966 г. признал, что 32 млн. американцев (шестая часть населения страны) живет в условиях, не обеспечивающих необходимый жизненный уровень, и в этой связи провозгласил, что «бедность в США стала национальной проблемой».

Нынешний вице-президент США Г. Хэмфри в разгар избирательной кампании 1964 г. в демагогических целях выпустил книгу «Война против бедности», содержащую многочисленные факты, доказывающие наличие в США нищеты значительной части населения. По свидетельству этого автора, несомненно, не заинтересованного в пристрастном отношении к господствующему строю, «каждый пятый американец живет в бедности, позоре, несчастье и деградации». Отмечая глубину социальных контрастов в США, Хэмфри пишет: «Парадоксом современной Америки является то, что в стране беспрецедентного богатства и благополучия насчитывается 35 млн. человек, не обладающих достаточным количеством еды, крова и одежды»². Характерно, что бедняками в США выступают вовсе не старые, немощные, больные люди, а значительная часть их вполне работоспособна.

Особенно тяжелым является положение 20 млн. детей, родители которых не могут обеспечить им даже минимальный жизненный уровень³. Не случайно именно в США был придуман и широко применяется термин «бедствующие районы», под которыми понимается свыше 1000 административных единиц с населением, превышающим 15 млн. человек (141 город, 877 сельских областей и 54 индейские резервации), нуждающихся в срочной государственной помощи для экономического возрождения⁴.

Противоречия между трудом и капиталом в Соединенных Штатах Америки за послевоенный период обострились. Процесс эксплуатации усилился, извлечение прибавочной стоимости стало еще более изощренным и разносторонним. Несмотря на успехи в области

¹ J. Budish. Op. cit., p. 40—41.

² H. Humphrey. Op. cit., p. 9.

³ Ibid., p. 19.

⁴ Ibid., p. 35.

технического прогресса, предприниматели стремятся сохранить и по-прежнему использовать в производстве допотопные условия труда. Английские специалисты, изучавшие вопросы организации производства в США, отметили, что американские предприниматели стремятся «так организовать работу, чтобы ее по возможности могли выполнять неквалифицированные рабочие». Это освобождает предпринимателей от расходов на производственное обучение и позволяет выплачивать меньшую заработную плату.

Нарушаются элементарные условия техники безопасности. Ежегодно на производстве происходит свыше 2 млн. несчастных случаев¹. Очень острой остается в стране жилищная проблема: по официальному признанию 17 млн. американцев живут в трущобах. На положении трудящихся весьма отрицательно сказывается систематический рост розничных цен и повышение платы за услуги. За период с 1950 по 1965 г. уровень потребительских цен в США увеличился на 30%, арендная плата за жилье выросла на 37%, ставки транспортных тарифов — на 40%, оплата пользования газом и электричеством — на 21%, медицинская помощь — на 65%². Общая сумма задолженности городского населения по ипотечному кредиту выросла за последнее десятилетие почти втрое и достигла в 1964 г. 293 млрд. долл.³

Весьма существенны для характеристики современного материального положения американского населения данные о среднем потреблении продовольственных товаров на душу населения. За период с 1950 по 1964 г. потребление (в натуральных показателях) сливочного масла снизилось на 37%, яиц — на 20%, свежих фруктов — на 17%, свежих овощей — на 15%, рыбы — на 10% и т. д.⁴.

Рост государственных расходов вызвал значительное усиление в США налогового бремени. Несмотря на принятие закона о некотором снижении с 1964 г. ставок подоходного налога, общая сумма налоговых изъятий с населения в 1966 г. на 75% превышала уро-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 247.

² Ibid., p. 361.

³ Ibid., p. 767.

⁴ Ibid., p. 85.

вень 1955 г., составив 52 млрд. долл. Вырос за последнее десятилетие и удельный вес подоходного налога в составе бюджетных доходов: с 47,7 до 51,5%. В то же время доля налогов с корпораций в доходах государственного бюджета уменьшилась с 29,7% до 28,1%¹.

Бедность особенно поразила сельское население США, страдающее от затоваривания продукции и снижения закупочных цен. 43% всех фермеров получают доходы ниже прожиточного минимума². Сельская беднота и молодежь широким потоком покидают фермы, однако, в связи с трудностями устроиться на работу, они служат «постоянным пополнением нищенских гетто больших городов»³.

В наиболее трудных условиях живут негры и коренное население страны — индейцы. Положение негров, численность которых в стране превышает 20 млн. человек, продолжает отличаться бесправием и жестокой расовой дискриминацией. Принятые под давлением прогрессивной общественности законодательные меры против сегрегации остаются на бумаге. Характерно, например, что в так называемом «черном поясе» США (южные штаты, населенные преимущественно неграми) допускаются к участию в голосовании на выборах не более 8% негров⁴.

По данным, приведенным президентом Джонсоном, 44% цветного населения живет в нищете. Грамотность среди негров в 5 раз ниже, чем среди белого населения, а безработица — вдвое выше. Негров первыми увольняют и последними принимают на работу. Им предоставляется наиболее тяжелая и грязная работа, однако заработок негра, как правило, наполовину меньше заработка белого рабочего, причем разрыв этот за последнее десятилетие усилился⁵. Лишь треть негритянских хозяйств, занятых в сельском хозяйстве, владеет собственным скудным клочком земли, остальные являются арендаторами, поденщиками и кропперами.

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 395.

² «Labor Fact Book. 17», p. 25.

³ H. Humphrey. O. cit., p. 51.

⁴ H. Aptheker. Soul of the Republic. The Negro Today. N. Y., 1964, p. 101.

⁵ B. Bagdikian. O. cit., p. 178.

За последние годы развернулось подлинное бегство негров-земледельцев в города в поисках спасения от растущей нищеты. За период с 1954 по 1959 г., когда проводилась последняя сельскохозяйственная перепись, число негритянских фермерских хозяйств сократилось почти на 200 тыс., или на 47%¹. 70% негров США ныне представляют собой пролетариат, важным фактором роста которого служат выросшие за последние годы на Юге крупные промышленные предприятия, сконцентрировавшие значительные коллективы негритянского рабочего класса.

Начало 60-х гг. открыло широкую волну массового движения негров против сегрегации и ущемления элементарных гражданских прав. Огромный размах этого движения заставил американские правящие круги заговорить о «негритянской революции», назревающей якобы в США.

Положение индейского населения (570 тыс. человек) является глубоко трагичным. 60% индейцев заключено в резервациях, расположенных в отдаленных горных районах Аризоны, Оклахомы, Новой Мексики, Калифорнии, где они показываются приезжим туристам в качестве живых исторических экспонатов. Индейское население отличается низким жизненным уровнем. 90% семей живет в неблагоустроенных глинобитных хижинах в антисанитарных условиях.

Как справедливо отмечает американский журналист Б. Багдикян, «разрушение древней культуры, религии и традиционного образа жизни оставило прежде гордый, способный и активный индейский народ в стороне от производственной деятельности². Отстранение индейцев от политической жизни страны, от активного участия в сфере материального производства, когда половина индейцев вовсе лишена какой-либо работы³, является тяжким обвинением современного буржуазного строя Америки.

Усиление классовой эксплуатации, наблюдающееся в США в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, встречает активное сопротивление со стороны рабочего класса. Показателем этого

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 620.

² B. B a g d i k i a n. Op. cit., p. 126.

³ H. H u m p h r e y. Op. cit., p. 96.

служит непрекращающаяся волна забастовочного движения, охватывающая все отрасли американского хозяйства. Среднее число стачек, происходивших на протяжении последнего десятилетия, составляло 3600 в год, а число участников в отдельные годы достигало 2 млн. человек. Интересно, что средняя продолжительность забастовки систематически возрастает, составляя в 1964 г. 22,9 дней против 18,5 дней в 1955 г. Более трети всех забастовщиков прекращает работу на срок свыше месяца. Огромные потери, нанесенные народному хозяйству США в результате забастовок, по данным за 1955—1964 гг. оцениваются в 26 млн. человеко-дней ежегодно¹.

На протяжении последнего десятилетия стачки возникали чаще всего на предприятиях металлургической, металлообрабатывающей, машиностроительной и пищевой промышленности. Очень значительным был удельный вес трудовых конфликтов в строительстве, в торговле и на транспорте². Забастовочное движение в США ограничено в основном экономическими требованиями и не выдвигает какой-либо политической программы. Это объясняется тем, что стоящие во главе американского рабочего движения профсоюзы находятся в руках бюрократических элементов, отрицающих необходимость классовой борьбы.

Но даже эта деятельность профсоюзов вызывает активное сопротивление со стороны реакционных сил Америки. Показателем этого служат принятые в послевоенное время антирабочие законы Тафта—Хартли (1947 г.) и Лэндрема—Гриффина (1959 г.), разрешающие президенту запрещать забастовки, ограничивающие права рабочих на заключение коллективных договоров и обязывающие профсоюзы представлять отчеты Министерству труда, что ставит их фактически под правительственный контроль.

Реформистская политика профсоюзных лидеров вызвала определенный кризис в профсоюзном движении, выражающийся в том, что профсоюзы, и без того объединяющие немногим более 22% всех занятых, фактически в течение последнего десятилетия прекратили

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 249.

² Ibid., p. 250.

пополняться новыми членами и превратились в замкнутые цеховые организации. Число членов профсоюзов в 1955 г. составляло 17,7 млн. чел., а в 1962 г. — 17,6 млн. чел., из которых 84% входили в состав профсоюзного объединения АФТ—КПП¹. Характерно при этом, что современные исследователи профсоюзного движения в США в своих расчетах, доведенных до 1970 г., предполагают, что на протяжении всего этого предстоящего периода членство в профсоюзах еще больше сократится².

Коммунистическая партия США подвергается непрерывным преследованиям со стороны реакционных сил, ее политической деятельности чинятся постоянные препятствия. Несмотря на это, американская Коммунистическая партия пробила себе путь из политической изоляции, успешно провела в июне 1966 г. свой XVIII съезд и стала в авангарде борьбы за сплочение в стране прогрессивного общественного движения. Американские коммунисты ведут активную пропаганду идей марксизма-ленинизма и выступают за социальные преобразования, защиту демократических прав и ограничение власти монополий.

Монополистическая буржуазия США, представляющая собой оплот международной реакции, поддерживает все темные силы на нашей планете и развязала преступную агрессивную войну во Вьетнаме. «Углубление общего кризиса капитализма, обострение его противоречий усиливают авантюризм империализма, его опасность для народов, для дела мира и социального прогресса... Главной реакционной силой современности, выступающей в роли мирового жандарма, является американский империализм», — отмечается в резолюции XXIII съезда партии по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС³.

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 247.

² L. Litwack. The American Labor Movement. N. Y., 1964, p. 162.

³ Резолюция XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС. Политиздат, 1966, стр. 8—9.

ПРОБЛЕМА ТЕМПОВ И «ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА»

Проблема темпов экономического развития в США признается в настоящее время в качестве «проблемы № 1». Современные апологеты капитализма проявляют особую заинтересованность в повышении темпов роста капиталистического производства в связи с тем, что текущие результаты экономического соревнования двух мировых систем свидетельствуют о постепенном ослаблении позиций капитализма. Этот факт вызывает серьезную тревогу монополий за дальнейшие судьбы капиталистического развития, что потребовало от буржуазной политической экономии США разработки путей, которые могли бы обеспечить длительный и устойчивый рост американской экономики.

Достигнутые за последние годы темпы экономического роста США не отвечают возможностям имеющейся материально-технической базы, не обеспечивают полной занятости населения и максимальной загрузки производственного аппарата. Большое беспокойство вызывает недостаточная эффективность производства — низкая «производительность» капитала (или иначе говоря выход продукции с единицы затраченного капитала), большие непроизводительные потери рабочего времени в результате безработицы и забастовок. Все это не позволяет достичь в США оптимальной пропорциональности развития экономики и отражается на неустойчивом характере деловой активности.

Согласно официальным статистическим данным, ежегодный прирост совокупного валового национального продукта США за период с 1955 по 1964 г. составил лишь 3% (против 7%, достигнутых в первое послевоенное десятилетие). При этом валовая продукция про-

мышленности за этот период увеличивалась ежегодно на 4,1%, а сельского хозяйства — на 1,7%¹. Подобные темпы не только значительно ниже уровня, достигнутого в социалистических странах, но и уступают многим капиталистическим государствам (ФРГ, Италии, Японии и др.).

Это вызывает большое беспокойство у правящих кругов США, причем вопрос о темпах стал приобретать не только экономический, но и политический аспект, вызывая в мире определенную настороженность по отношению к американской хозяйственной системе. Как отмечается в сборнике статей ведущих американских специалистов в области экономического стимулирования, та идеология, которая «обещает более быстрый экономический рост... вызывает ныне наибольшее политическое притяжение»².

Учитывая роль, которую играют США в современном буржуазном мире, известный шведский экономист Г. Мюрдаль с беспокойством писал: «Я склонен думать, что наиболее важная проблема современного мира состоит в том, чтобы сдвинуть американскую экономику с пути относительного экономического застоя»³. Вот почему проблема темпов, т. е. изыскание средств и методов ускорения экономического развития находится в центре внимания буржуазной экономической мысли США.

Выдвигаемые с этих позиций теории «экономического роста» являются отражением попыток укрепить позиции капитализма в соревновании с социалистической системой и обелить явные экономические провалы буржуазного общественного строя, обосновав их якобы случайный характер.

Разработкой условий для устойчивого экономического роста занимаются, помимо специально созданного при правительстве США в августе 1962 г. Комитета по делам экономического роста, такие авторитетные органы, как Совет экономических экспертов при президенте, Объединенная экономическая комиссия Конгресса,

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965». Washington, 1965, p. 644.

² «Economic Growth. An American Problem». Ed. by P. Gutman. N. Y., 1964, p. 3.

³ G. Myrdal. Challenge to Affluence. L., 1963, p. 5.

Торговая палата и другие, а также большинство ведущих американских экономистов, например, Е. Дэнисон, Е. Домар, С. Кузнец, П. Самуэльсон, А. Хансен и другие.

Повысив темпы, предполагается разрешить в США проблему безработицы, увеличить доходы всех групп населения, улучшить платежный баланс страны, а также обеспечить успех США в экономическом соревновании с социализмом.

В качестве ближайшей цели в официальных кругах США считают необходимым повысить темпы экономического развития страны до 4,5—4,6%¹, что означает увеличение ежегодного прироста совокупного валового национального продукта примерно в полтора раза по сравнению с ныне достигнутым уровнем.

В поисках путей совершенствования и ускорения воспроизводственного процесса буржуазные экономисты обычно придерживаются того исходного момента, что в создании общественного продукта участвуют четыре фактора: природа, капитал, предприниматели и рабочее. В соответствии с этим распределяются и доходы — рента, процент, прибыль капиталиста (выступающая в качестве оплаты деятельности и риска предпринимателя по вложению и управлению капиталом) и заработная плата рабочего, являющиеся вознаграждением каждого из участников создания продукта.

Недостаточное использование какого-либо из этих четырех факторов — неполная занятость, низкий уровень капиталовложений, консервация посевных площадей, слабое вовлечение в производственный процесс вновь открытых природных ресурсов и т. д. — замедляет экономический процесс и сказывается на низких темпах хозяйственного роста.

Эта теория является модернизацией известной «теории трех факторов», выдвинутой еще Ж.-Б. Сэем и раскритикованной в свое время К. Марксом, убедительно доказавшим недопустимую примитивизацию Сэем сложных проблем капиталистического воспроизводства. Приверженцы «теорий экономического роста» придают главенствующее значение различным факторам, но большинство из них придерживается той точки зрения,

¹ Н. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 146.

что важнейшим дефектом современной хозяйственной конъюнктуры являются недостаточный уровень и неблагоприятная структура капиталовложений.

Процесс накопления капитала, т. е. присоединение части прибавочной стоимости к капиталу с целью расширения производства, представляет собой одну из важнейших забот капиталиста. При этом значительная часть инвестиций направляется на обновление действующего капитала в результате физического и морального износа, а другая часть используется в новом капитальном строительстве для расширения производственного аппарата.

В условиях быстрого технического прогресса в США наблюдается значительный рост вложений в основной капитал промышленности и других отраслей экономики. Только на протяжении 1950—1965 гг. они увеличились почти в 2,5 раза¹. Однако доля новых капиталовложений в валовом национальном продукте растет очень медленно и, составляя в настоящее время около 18%, уступает Японии, ФРГ, Италии и Франции. Прирост капиталовложений на 1 рабочего, достигавший в 1947—1954 гг. 3,5% в год, в последующий период снизился до 1,9%².

Изменился характер распределения инвестиций. Если в первом послевоенном десятилетии капитальные вложения шли главным образом на увеличение производства экстенсивным путем, т. е. расширением производственных площадей, то во втором десятилетии в условиях быстрой научно-технической революции наблюдается все больший крен в сторону возрастания расходов на замену и модернизацию оборудования. По расчетам П. Самуэльсона, на амортизацию в США в настоящее время ежегодно выделяется примерно двенадцатая часть национального продукта.

Наблюдается значительное увеличение вложений в коммунальные предприятия, в сферу услуг, торговли, финансов и связи, не дающих, как известно, производственной «отдачи». Расходы на эти цели за период с 1955 по 1965 г. увеличились с 13,8 млрд. долл. до 23,2 млрд. долл., т. е. на 68%³.

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 501.

² «Economic Growth. An American Problem», pp. 73, 169.

³ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 501.

Относительное сокращение капитальных вложений в производственную сферу несомненно обостряет противоречия воспроизводственного процесса США и отрицательно сказывается на темпах экономического роста.

Считая проблему капиталовложений важнейшей для решения задачи ускорения темпов, сторонники «теорий экономической динамики» по-разному подходят к вопросу о методах форсирования инвестиций.

Большое распространение, например, получила в США так называемая «потребительская школа», считающая наиболее эффективным средством поощрения капиталовложений стимулирование потребления. По мнению представителей этой «школы», виновником низкого уровня инвестиций является недостаточный спрос на капитал, что вызывает образование излишков последнего и искусственное торможение производственного процесса. «Надо расширить совокупный спрос»¹, — предлагает У. Хеллер, бывший председатель Совета экономических экспертов при президенте, видя все зло в отставании потребления и капиталовложений от возможностей, предоставляемых накоплением и производством.

Родоначальником этого теоретического направления является известный английский экономист Дж. Кейнс, который еще в 20-е гг. выдвинул модель экономического роста, определяющую темпы и направления хозяйственного развития как функцию «склонности» людей к личному потреблению и «склонности» предпринимателей к инвестициям.

Следуя за Кейнсом, его современные последователи для формирования более эффективного спроса на капиталовложения рекомендуют стимулировать эту склонность к личному и производственному потреблению. Однако, как предупреждают неокейнсианцы, в современных условиях рынок средств производства ограничен, так как капиталисты опасаются приобретать их для расширения производства, страшась неустойчивости конъюнктуры и перепроизводства. Что же касается узких рамок рынка предметов потребления, то они объясняются недостаточными личными доходами и стремле-

¹ «Unemployment and the American Economy», N. Y., 1964, p. 105.

нием людей делать сбережения «на черный день» ввиду неуверенности в будущем.

В подобных условиях, стремясь подхлестнуть спрос на капитал, указанные авторы предлагают, используя силу государства, увеличить рынок путем расширения правительственных закупок, создания запасов стратегического сырья, оказания «помощи» иностранным государствам и т. д. Большие надежды возлагают некоторые экономисты на расширение производственного спроса в связи с техническим прогрессом, вызывающим массовое приобретение оборудования и волну нового капитального строительства. Делаются попытки сконструировать модели экономического роста, специально учитывающие происходящие в производстве технологические сдвиги.

Так, например, Дж. Бортс и Дж. Стейн определили темпы экономического развития уравнением $I = K + N + g$, в котором количественное выражение продукта (I) представляет функцию капитала (K), рабочей силы (N) и технологических изменений (g) в процентах ежегодного увеличения выпуска продукции, достигнутого благодаря техническому прогрессу¹. Не менее одобрительно относятся в официальных экономических кругах США и к росту военных расходов, влекущих за собой громадное увеличение государственных заказов на военную продукцию.

Техническое перевооружение производства и милитаризация считаются, таким образом, устойчивыми факторами расширения спроса на капитал. Все это должно способствовать созданию гарантии для инвесторов в прибыльности их затрат и преодолению у предпринимателей страха производственного риска. Одновременно должна снижаться «склонность» населения к личным сбережениям, что будет содействовать росту его покупательных фондов. Для устранения психологической боязни населения к предельному потреблению рекомендуется уменьшить налоговое обложение, расширить масштабы общественных работ в интересах повышения занятости, увеличить пособия по безработице, распространять потребительский кредит и проводить ряд других мероприятий.

¹ G. Borts and J. Stein. Economic Growth in A Free Market. N. Y., 1964, p. 5.

Например, придерживающийся точки зрения «потребительской школы» известный американский экономист А. Хансен призывает правительство повысить покупательную способность низкооплачиваемых слоев населения и форсировать государственные расходы на социально-культурные нужды (народное образование, здравоохранение, жилищное строительство и т. д.)¹. Однако совершенно ясно, что выдвижение подобных задач противоречит интересам монополий и поэтому рассчитывать на позитивную деятельность государства в этом направлении было бы совершенно нереально.

Справедливо сомневаясь в эффективности предложенных рецептов повышения спроса на капитал внутри страны, многие авторы выдвигают идею форсирования внешних инвестиций. В результате активной внешне-экономической экспансии общая сумма зарубежных капиталовложений США достигла к концу 1964 г. 95 млрд. долл., причем половина этой суммы была направлена за границу после 1956 г. Свыше 40 млрд. долл. представляют собой прямые капиталовложения за счет собственных средств американских корпораций².

Вывоз капитала позволяет не только с выгодой применить имеющиеся «излишки» капитала, но и освободить американский рынок от поступления большого количества товарной массы, произведенной в результате использования этого капитала. Свыше 82% продукции американских предприятий обрабатывающей промышленности, находящихся за границей, реализуется на внутреннем рынке тех стран, где эти предприятия размещены.

Общий объем продажи этих американских зарубежных предприятий почти в полтора раза превышает размеры товарного экспорта США³. Однако, пишет Г. Хэмфри, все эти внешнеэкономические успехи США не должны отвлекать от внутренних проблем: «наибольший потенциальный рынок находится не в Азии, Латинской Америке, Африке и странах Европейского Экономического Сообщества, а у себя дома»⁴.

¹ A. Hansen. Economic Issues of the 1960's. N. Y., 1960, p. 78.

² J. Backman and M. Gaisbrugh. The Forces Influencing the American Economy. N. Y., 1965, p. 21.

³ J. Backman and M. Gainsbrugh. Op. cit., p. 22.

⁴ H. Humphrey. Op. cit., p. 28.

Иных взглядов придерживаются экономисты, рекомендуемые в интересах поощрения капиталовложений всячески стимулировать «предложение» капитала, способствуя его накоплению и сбережению. Основываясь на старом «законе» Сэя о том, что предложение капитала якобы автоматически рождает спрос на него, О. Ган, С. Кузнец, П. Самуэльсон и другие авторы считают, что основной трудностью в настоящее время является не избыток капитала, а его нехватка, которая и сдерживает будто бы темпы инвестиций.

«Размеры накопления должны соответствовать спросу на капитал», — пишет один из столпов американской теоретической мысли С. Кузнец¹, считающий нарушение этого соответствия основной экономической проблемой современного капитализма. В соответствии с этим создается модель экономического роста, устанавливающая зависимость темпов развития хозяйства от величины «предложения» капитала.

Родоначальник этого теоретического направления английский экономист Р. Харрод следующим образом определил формулу данной зависимости:

$$Gn \cdot Cr = S,$$

где Gn — «естественный темп роста», представляющий собой «линию выпуска продукции, в каждой точке которой производители во всех отраслях будут считать себя удовлетворенными достигнутым балансом между работой и досугом».

Cr — «коэффициент капитала», определяемый как «потребность в новом капитале, деленная на прирост выпуска продукции, для обеспечения которого требуется этот новый капитал».

Произведение $Gn \cdot Cr$ является тем темпом экономического роста, «который допускается ростом населения и техническими усовершенствованиями».

S — величина накопления, которая и определяет этот рост производства при полном использовании растущего населения и технического прогресса и при требуемом коэффициенте капитала (т. е. при данной капиталоемкости)².

¹ S. Kuznets. Capital in the American Economy. Its Formation and Financing. N. Y., 1961, p. 453.

² Р. Харрод. К теории экономической динамики. 1959, стр. 123—127.

Формула Харрода таким образом абстрагируется от существования безработицы, априорно предусматривает полное потребление накопленного капитала для дальнейших капиталовложений, а также максимальное использование производственных мощностей и полную реализацию продукции. Однако жизнь противоречит красивым и абстрактным схемам капиталистического благополучия.

Для преодоления нехватки капитала и ускорения процесса накопления теоретики «экономического роста» предлагают повысить доходы корпораций, а для достижения этого снизить налоги с капиталовложений и прибылей корпораций, увеличить нормы амортизационных отчислений и удешевить кредит путем снижения ставки банковского процента. Однако подобное «прибеднение» американских монополий, которые испытывают якобы столь острые затруднения от недостатка капиталов, явно расходится с их действительным финансовым положением.

Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что ресурсы предприятий систематически превышают вложения в основной капитал и, следовательно, далеко не все накопления превращаются в капиталовложения. В 1964 г., например, источники финансирования (внутренние ресурсы плюс привлеченные долгосрочные источники) на 41% превосходили затраты корпораций на строительные работы и приобретение оборудования. Таким образом, предприятиями используются далеко не все возможности капиталовложений¹.

По расчетам С. Л. Выгодского, за период с 1947 по 1962 г. валовые накопления американских предприятий увеличивались почти в 4 раза интенсивнее, чем вложения в основной капитал².

Необоснованность жалоб монополий на недостаток капитала подтверждает американский профсоюзный деятель Д. Виал, заявивший, что нельзя объяснять низкий уровень инвестиций недостаточными доходами корпораций. По его словам, «нет никаких оснований утверждать, что корпорациям нехватает денег для инвестиций»³, и поэтому стимул к инвестированию должен

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 502.

² «История экономических учений». «Мысль», 1965, стр. 439.

³ «Unemployment and the American Economy», p. 147.

дать не снижение налогов с корпораций, а повышение покупательной способности населения и увеличение производственного спроса.

В своей экономической политике американское правительство, пытаясь учесть разнообразные и нередко противоречащие друг другу рекомендации экономических экспертов, провело за последние годы ряд практических мероприятий, направленных на стимулирование капиталовложений. Осуществляется увеличение правительственных закупок, преимущественно в рамках военной программы; предоставляются субсидии фермерам и обеспечивается централизованный сбыт сельскохозяйственной продукции; из бюджетных средств проводится крупное дорожное и жилищное строительство; форсируются внешние инвестиции и товарный экспорт.

Важнейшее место занимает система государственного поощрения частных капиталовложений путем благоприятной налоговой политики. По инициативе президента Дж. Кеннеди, поддерживавшего идею повышения темпов через капиталовложения, во второй половине 1962 г. было принято решение о предоставлении корпорациям, осуществляющим производственные инвестиции, налоговой скидки на сумму, равную 7% от стоимости вновь установленного оборудования. Увеличенные благодаря этому прибыли должны были быть направлены в накопление. Кроме того, корпорации получили право на ускоренную амортизацию основного капитала.

Как известно, денежные суммы, отчисляемые в амортизационный фонд, включаются в издержки производства. Завышение их позволяет предпринимателям уменьшать для официальных налоговых органов фактические размеры получаемой прибыли. Так как в амортизационном фонде сосредоточивается скрытая прибыль, то это ускоряет оборачиваемость основного капитала. Это имеет особенно важное значение в связи с проявлением тенденции нормы прибыли к понижению (вследствие роста органического строения капитала): функционирующий капитал растет быстрее, чем авансированный капитал, и, следовательно, норма прибыли повышается.

Политика ускоренных амортизационных списаний, освобождая монополии от части налогового обложения,

ведет к перераспределению национального дохода в пользу монополий, создавая благоприятную ситуацию для роста накоплений и дальнейшего увеличения прибылей. Таким образом, отчисления, накапливаемые в амортизационном фонде, не только покрывают реальный физический и моральный износ оборудования, но и становятся источником капитальных вложений в новое производство.

По официальным подсчетам принятые налоговые льготы создали корпорациям возможность увеличивать ежегодные расходы на обновление оборудования примерно на 3 млрд. долл. Среди мероприятий, осуществленных в области стимулирования кредита, следует отметить уменьшение процентной ставки по долгосрочным кредитам (создание «дешевых денег»), а также увеличение сроков кредита на жилищное строительство и уменьшение размеров первоначального взноса при покупке дома.

При этом правительство в соответствии с законом, принятым в июне 1961 г., страхует кредиты частных банков на строительство и продажу домов. Продлен срок кредита (до 3 лет) также и на покупку автомобилей, что привело к притоку дополнительных капиталовложений в автомобилестроение, издавна занимающее ведущее место в американской промышленности и связанное с такими отраслями, как сталелитейная, прокат, нефтяная, приборостроение, химическая, резиновая и др.

В феврале 1964 г. правительство Л. Джонсона, продолжающее экономическую политику своего предшественника, провело снижение подоходного налога с корпораций и частных лиц для стимулирования новых капиталовложений и увеличения потребительского спроса. По подсчетам Совета экономических экспертов при президенте, налоговые реформы дали к концу 1965 г. прирост инвестиций и личного потребления на сумму не менее 30 млрд. долл.

Однако все указанные мероприятия могут дать лишь кратковременный эффект. Современный капитализм доказал, что в силу своего циклического развития он не способен обеспечить высокие и стабильные темпы роста на протяжении длительного времени. Периоды экономического оживления и подъема неминуемо пре-

рываются кризисными спадами производства. Поэтому в целом для капитализма характерны заниженные темпы развития, и это объясняется не количественным избытком или, наоборот, нехваткой накоплений, а органически присущей капиталистическому строю невозможностью и с наивысшей эффективностью использовать производственный аппарат, людские ресурсы, достижения технического прогресса, а также накопления.

Основное экономическое противоречие капитализма, узость рынка, погоня за прибылью в качестве движущей силы частного предпринимательства, анархия и диспропорциональность производства объективно тормозят экономическое развитие. Поэтому никакие «теории экономического роста» и никакие сконструированные на их основе модели хозяйственных процессов не могут обеспечить устойчивой капиталистической конъюнктуры.

Промышленный бум, который развернулся в настоящее время в США, вызвал весьма радужные надежды у буржуазии. Однако он определяется вовсе не каким-то «исправлением» капиталистической производственной системы, как это пытаются представить буржуазные экономисты и политики, а временными благоприятными факторами, среди которых следует в первую очередь отметить военные обстоятельства: интервенцию во Вьетнаме и усиленную милитаризацию страны.

Проблема милитаризации занимает большое место в «теориях экономического роста», поскольку, по мнению многих исследователей, она служит одним из важных факторов современного экономического развития США. Агрессивная политика американского империализма требует от правительства огромных затрат на приобретение различных видов вооружения, на создание мощных атомных, термоядерных и ракетных средств уничтожения, на содержание личного состава вооруженных сил и многочисленных военных баз, расположенных за границей, на проведение научных исследований в области военного дела.

Прямые военные расходы США в 1966/67 бюджетном году достигли 60,5 млрд. долл., увеличившись за последние 6 лет на 27%. Общие затраты, связанные с войной (включая выплату процентов по военным займам, пособия ветеранам войны, исследование космического пространства), составят 84,4 млрд. долл., охватывая

примерно 75% всей суммы бюджетных расходов. Особенно быстро возрастают государственные расходы в области атомной энергетики и освоения космоса. Так, например, инвестиции государства в развитие атомной промышленности, составлявшие в 1950 г. 2104 млн. долл., увеличились к 1955 г. до 6487 млн. долл., а в 1964 г. достигли 8578 млн. долл.¹

В программу освоения космоса правительство США в 1966 г. вложило огромную сумму в 6890 млн. долл. против 888 млн. долл. в 1960 г.² Большое место в бюджете страны занимает финансирование научно-исследовательских работ в области военного дела, поглощающее 20% военных затрат³.

Большая часть всех военных расходов материализуется в самих Соединенных Штатах Америки, попадая в карманы частных корпораций, выполняющих громадные правительственные заказы на поставку вооружения, боеприпасов, военного обмундирования, продовольствия и т. д. Правительственные заказы, обеспечивающие монополистам емкий рынок сбыта и крупные доходы, являются одним из основных источников занятости и загрузки капиталистических предприятий. Военное хозяйство, следовательно, оказывает важное влияние на темпы экономического развития, распределение национального дохода и уровень капиталовложений.

Согласно официальным расчетам на военные цели расходуется ныне около 10% валового национального продукта США, в то время как накануне второй мировой войны их доля не превышала 1%⁴. Некоторые отрасли американской промышленности полностью зависят от выполнения военных заказов. Так, например, авиационная промышленность направляет военному ведомству 94% выпускаемой продукции, судостроительная — 61%, радиопромышленность — 38%. Значительные военные поставки выполняют автомобильная, химическая, электротехническая промышленность, машино-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 553.

² Ibid., p. 555.

³ «Convertibility of Space and Defense Resources to Civilian Needs. A search for New Employment Potentials». Washington, 1964, p. 616.

⁴ Ibid., p. 589.

строение и другие отрасли¹. В ряде штатов выполнением военных заказов занято до 30% всех работающих в обрабатывающей промышленности.

«Фактически военное производство служит фактором, способствующим экономической устойчивости почти всех важнейших отраслей американской промышленности», — пишет американский журналист Дж. Душа². Большое влияние оказывает милитаризация на проблему занятости. Численность американских вооруженных сил в 1966 г. составила 2640 тыс. человек, кроме того, в военном ведомстве занято около 1 млн. человек гражданских служащих. Примерно 4 млн. человек работает в военной промышленности США. Таким образом военно-промышленный комплекс охватил в США свыше 7,6 млн. человек, непосредственно связанных с обслуживанием американской военной машины, что составляет примерно 10% всего занятого населения в стране³.

Неудивительно, что на этой почве в США появляются различного рода теории «процветания через вооружение», «полезности» милитаризации, так как только она будто бы способна спасти американскую экономику от кризисов и обеспечить населению занятость. Такие экономисты, как С. Слитчер, А. Хансен, С. Харрис и другие, опираясь на факты действительного роста производства в периоды войн (годы второй мировой войны, интервенции в Корею, войны во Вьетнаме), открыто выступают за увеличение военных расходов и продолжение милитаризации как средства повышения деловой активности. Защитой милитаризации занялись даже некоторые профсоюзные лидеры США, декларирующие, что рост военного производства благотворно воздействует на сокращение безработицы в стране.

Но, конечно, с наибольшим рвением поддерживает усиленную военизацию экономики монополистическая буржуазия. Получив в свои руки громадные государственные заказы на выпуск военной продукции, монополии выступают в роли подрядчика на производство

¹ E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. The Plurastic Economy. N. Y., 1965, p. 151.

² J. Dusha. Arms, Money and Politics. N. Y., 1965, p. 64.

³ «Statistical Abstract of the United States, 1965», pp. 216, 256, 262.

научно-исследовательских и строительных работ, на оснащение предприятий необходимым оборудованием и, наконец, на выполнение самого заказа. Нет для них при этом ни производственного риска, ни поисков рынка сбыта, оплата заказов осуществляется по щедрым ценам, прибыль велика и заранее гарантирована. Вот почему к выполнению военных контрактов привлекаются наиболее влиятельные группы американской финансовой олигархии.

Характерно, что 75% всех военных заказов получают 100 крупнейших корпораций¹. Особенно благоприятными для проведения различного рода финансовых махинаций являются субподряды, когда монополия, получив крупный государственный заказ, в свою очередь передает выполнение отдельных частей этого заказа более мелким фирмам. При таком методе теряется возможность контроля за истинными издержками производства и отчетные данные о военных прибылях легко фальсифицируются. Монополии, работающие на Пентагон, самые богатые в стране: получаемая ими средняя прибыль, по подсчетам В. Перло, достигает 18%².

Активно происходит процесс сращивания монополистического капитала с верхушкой американской военной. Генералитет, уходя в отставку, привлекается на службу военными монополиями. Так, например, корпорация «Дженерал дайнэмикс», получающая самые крупные военные контракты, имеет на руководящих постах 187 отставных офицеров, в том числе 27 генералов и адмиралов, а возглавляет ее бывший министр армии Фрэнк Пейс³.

В интересах дальнейшего роста прибылей монополистическая буржуазия США нажимает на правительство и требует продолжения гонки вооружений. Совершенно правильно указывал американский экономист Т. Куин на то, что в США ныне заправляет делами «военно-промышленная коалиция, которая явно заинтересована в продолжении «холодной» или даже «горячей» войны»⁴. Вот почему все предложения прогрессивных американских кругов о сокращении гонки во-

¹ E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. Op. cit., p. 151.

² V. Perlo. Militarism and Industry. N. Y., 1963, p. 42.

³ Ф. Кук. Государство войны. Воениздат, 1962, стр. 34.

⁴ T. Quinn. Unconscious Public Enemies, N. Y., 1962, p. 153.

оружий и переключении части военных предприятий на выпуск гражданской продукции встречаются такое активное сопротивление со стороны Конгресса и правительства.

Восхваляя милитаризацию, апологеты Пентагона одновременно запугивают последствиями возможного разоружения. В сборнике, подготовленном Подкомитетом сената США по рабочей силе и занятости профессора Ч. Тьебу и С. Мелман заявляют, что реконверсия американского хозяйства на гражданские рельсы вызовет угрозу занятости и загрузке производственных мощностей во многих отраслях¹. О трудностях, которые возникли бы для экономики США в случае внезапного международного соглашения о разоружении, говорил и нынешний вице-президент США Г. Хэмфри².

Однако на самом деле милитаризация оказывает крайне отрицательное влияние на экономику США. В конечном итоге она не только не дисциплинирует экономику, но искусственно тормозит развитие отраслей второго подразделения, усиливая диспропорциональность капиталистического хозяйства и ставя препятствия осуществлению процесса расширенного воспроизводства. Милитаризация потому и представляет собой проявление загнивания капиталистической экономики, что расточительно отвлекает на производство оружия значительные капиталы, сырье и рабочую силу и уничтожает для общества огромные материальные ценности, не создавая при этом никакой общественно полезной продукции.

Как справедливо отмечает журналист Дж. Душа, в результате гонки вооружений «миллиарды долларов были изъяты из таких жизненно важных сфер, как образование, транспорт, коммунальное хозяйство, перекалфикация лиц, вытесненных автоматизацией, борьба с нищетой и преступностью, сооружение культурно-спортивных комплексов»³.

Милитаризация поэтому никак не может служить фактором длительного процветания и способна оказать лишь кратковременный эффект, вскоре перекрываемый более глубокими отрицательными последствиями. Уско-

¹ «Convertibility of Space and Defense Resources...», pp. 799, 881.

² Н. Humphrey. Op. cit., p. 192.

³ J. Dusha. On. cit., p. 17.

рив процесс концентрации, она обостряет основное противоречие капитализма. Напоминая собой инъекцию в изношенный капиталистический организм, гонка вооружений вызывает определенное оживление хозяйственной активности. Однако одностороннее форсирование военного производства не может надолго стабилизировать рынок. Поэтому способствуя накоплению разрушительных сил, милитаризация сама по себе служит объективной предпосылкой для последующего экономического спада.

Гонка вооружений, производимая за счет средств государственного бюджета, пополняемого из карманов налогоплательщиков, влечет за собой снижение и без того недостаточных покупательных фондов населения и тем самым сокращает сферу личного потребления. Поэтому милитаризация, как и другие стимуляторы хозяйственной активности США, не в состоянии привести к стабильному росту экономики. «Обогащая отдельные группы монополистической буржуазии, милитаризм ведет к истощению наций...», — говорится в Программе КПСС¹.

Не может обеспечить ускорения темпов экономического роста также и процесс обновления основного капитала.

По подсчетам американских экономистов, до сих пор продолжает считаться устарелым около трети всего промышленного оборудования, что, конечно, создает известный резерв для дальнейшего обновления. Однако было бы неправильным ожидать, что все это технически устаревшее оборудование в ближайшие годы подлежит замене. Не следует забывать, что в условиях капитализма последовательное и планомерное обновление оборудования невозможно, так как внедряется лишь то, что несет предпринимателям непосредственную ближайшую выгоду. Поэтому многие предприятия еще долгие десятилетия будут работать на изношенном, старом оборудовании. Основные волны ускоренной амортизации несомненно уже прошли и следует поэтому ожидать в дальнейшем некоторого замедления этого процесса.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 29.

Спрос на новые дома и автомобили быстро тает и вскоре должен достичь предела насыщения. Да и касается он лишь ограниченной части американского населения, так как беднейшие слои не имеют возможности оплатить соответствующие крупные затраты.

Неблагоприятным образом отразится на уровне новых капиталовложений удорожание кредита. В декабре 1965 г. учетная ставка федеральной резервной системы была повышена с 4 до 4,5%, что представляет собой максимальный уровень после 1930 г. Коммерческие банки также подняли процентную ставку по срочным вкладам с 4,5 до 5,5%, что должно сказаться на росте сбережений.

Государственные налоговые мероприятия предоставили выигрыш корпорациям и высокооплачиваемым слоям населения, и ранее не стеснявшим себя расходами. Что же касается низкооплачиваемых групп населения, то они предпочтут в первую очередь погасить накопившуюся потребительскую задолженность и вряд ли существенно увеличат расходы на непосредственную закупку товаров. Поэтому покупательский спрос населения остается весьма ограниченным и уровень реального потребления повышается медленно. Кроме того, надо учитывать, что некоторое снижение налогов с населения далеко перекрывается ростом розничных цен и увеличением платы за услуги.

Все эти неблагоприятные факторы свидетельствуют о временном характере нынешнего промышленного подъема США. И поэтому явно преждевременно в США вновь вспомнили забытое было слово «процветание» (процветание), которым пытаются определить характер современной конъюнктуры¹.

Многие буржуазные экономисты понимают непреодолимость в условиях США проблемы высоких темпов расширенного воспроизводства. Этим объясняется появление ряда теорий, оправдывающих трудности США в этом направлении и обосновывающих невозможность для США быстрого экономического прогресса. Теории «стагнации», «затухания темпов», «естественного старения» хозяйственного организма считают замедленные темпы экономического развития США закономерным

¹ A. Barach. USA and its Economic Future. N. Y., 1964, p. 20.

явлением. Следуя за В. Зомбартом, представители этих теорий утверждают, что каждая страна, подобно человеческому организму, проходит периоды юности, зрелости и старости. Переживая до первой мировой войны период юности, США обеспечивали быстрые темпы экономического развития.

В наступившем затем периоде зрелости США замедлили свой экономический рост, а все современные «злокачественные болезни» легко объясняются процессом старения, так как всякой старости сопутствует стагнация. Сторонники этого социологического направления, отождествляя экономику с развитием живого организма, пытаются возложить ответственность за пороки капитализма на естественные законы природы.

Примерно подобную точку зрения защищает американский экономист У. Ростоу, выдвинувший теорию «стадиального роста», согласно которой более промышленно развитым странам всегда свойственны менее высокие темпы развития. США поэтому как страна высоко развитой промышленности обречена на естественное замедление своего экономического роста.

Многие авторы стоят на позициях «структурной концепции» экономического роста Кларка-Фурастье, доказывающей, что в ходе исторического развития любой страны наблюдается эволюция хозяйственной структуры. Вначале в стране преобладают аграрно-сырьевые отрасли, затем господствующее положение постепенно приобретает обрабатывающая промышленность и, наконец, преимущественное развитие получает «сфера услуг», что сказывается на снижении темпов промышленного роста. Все трудности, переживаемые ныне в США, и связаны будто бы с тем, что страна переходит сейчас к третьей стадии развития, чем и объясняются «лишние люди» в промышленности и растущая безработица.

В качестве подтверждения этого заключения в книге американских экономистов Дж. Бэкмана и М. Гэйнсброу «Силы, влияющие на американскую экономику» указывается на опережающие темпы роста сферы услуг по сравнению со сферой материального производства. За период с 1947 по 1963 г. удельный вес сферы услуг в валовом национальном продукте США увеличился

с 30,6 до 39,0%, а число лиц в ней занятых выросло за последние 6 лет на 6 млн. человек¹.

Основным методологическим дефектом всех этих теорий является то, что они пытаются объяснить современные капиталистические противоречия не особенностями общественного строя, а наличием закономерного исторического процесса затухания темпов, свойственного якобы любой экономически развитой стране. При этом они полностью игнорируют структуру производственных отношений капитализма, анархию производства и цикличность, т. е. все то, что в действительности замедляет темпы экономического роста и приводит к хищническому растрачиванию производительных сил.

Все эти теории поэтому рассыпаются как карточный домик при первом же сопоставлении с любой из социалистических стран, не подверженных каким-либо конъюнктурным колебаниям и демонстрирующих устойчивые и высокие темпы развития независимо от своей «возрастной» стадии и хозяйственной структуры. Современные теории экономического роста отличаются широким применением экономико-математических методов при анализе важнейших проблем и перспектив развития капиталистического хозяйства.

Считается, что ошибкой Дж. Кейнса в свое время было то, что он изучал экономику в состоянии статики и считал экономические категории стабильными. На самом же деле экономика находится в состоянии динамики, т. е. в постоянном движении и изменении.

Это требует при изучении современных экономических процессов решения многих взаимно переплетенных задач, которые могут быть выражены в виде соответствующих систем уравнений и неравенств. Отсюда вытекает необходимость применения в экономических исследованиях математических методов с использованием электронно-вычислительной техники. Благодаря этому появляется возможность моделировать происходящие экономические процессы, проводить необходимые эксперименты и, применяя линейное программирование, конструировать оптимальные варианты при решении конкретных хозяйственных задач (определение темпов развития, составление межотраслевых балан-

¹ J Backman and M. Gainsbrugh. Op. cit., pp. 82—83.

сов, установление размеров будущего спроса, определение целесообразности использования того или иного вида сырья и т. д.) и даже делать попытки «планирования» экономики.

При анализе хозяйственной динамики сторонники теорий экономического роста применяют метод мультипликатора (множителя), позволяющего определять коэффициент зависимости одной переменной величины от изменения другой переменной величины. Так, например, Г. Хэмфри предлагает применить в качестве мультипликатора финансовую помощь бедным слоям американского населения, что, по его мнению, увеличит рынок на величину, в четыре раза превышающую дополнительные расходы на эти цели¹.

Используется также принцип акселератора (ускорителя) для установления взаимозависимости двух процессов, происходящих одновременно, но влияющих друг на друга (например, увеличившийся спрос ускоряет последующие капиталовложения в ту или иную отрасль в размерах даже больших, чем необходимо для удовлетворения данного спроса). Следует, однако, учесть, что современные экономические процессы настолько многообразны, что охватить их исключительно одними лишь методами математического анализа и определением количественных связей невозможно.

Применение экономико-математических методов может дать определенный результат лишь в сфере количественного анализа функциональных связей, да и то в ограниченных масштабах, учитывая недостаток исходных данных и использование упрощенных теоретических гипотез. Однако какой-либо достоверной картины экономического развития они дать не могут, так как не учитывают факторы, вытекающие из производственных отношений капитализма.

Поэтому построенные буржуазными теоретиками эконометрические модели искажают реальные процессы в развитии современного капитализма, и это не позволяет осуществлять на их основе сколько-нибудь эффективного управления экономикой, а тем более хозяйственного прогнозирования.

Только марксистско-ленинская политическая эконо-

¹ Н. Humphrey. Op. cit., p. 28.

мия, основанная на глубоком изучении социально-экономических процессов и противоречий в буржуазном обществе, взятом в единстве производительных сил и производственных отношений, способна определить закономерности капиталистического воспроизводства и историческую тенденцию буржуазного строя. К каким бы теоретическим ухищрениям ни прибегали апологеты капитализма, их попытки ускорить экономический рост и преодолеть усилившиеся противоречия обречены на провал, так как никакие умозрительные построения, никакая электронно-вычислительная техника не способны отменить законов капиталистического способа производства.

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО И «РЕГУЛИРУЕМОГО» КАПИТАЛИЗМА

За последние годы в США наблюдается широкое распространение теорий «регулирования» и «планирования» капитализма. Это вызвано тем, что особенности современного воспроизводственного процесса, характеризующегося обострением экономических противоречий в стране, свидетельствуют о неспособности капиталистической системы в ходе своего развития стихийно разрешать возникающие экономические трудности. Поэтому многие буржуазные экономисты США вынуждены прийти к выводу о необходимости в интересах упорядочения дальнейшей экономической эволюции страны использовать внеэкономические факторы.

С этой целью они считают целесообразным широко использовать буржуазное государство, которое, по их мнению, должно усилить свои экономические функции для обеспечения благоприятных условий для функционирования капиталистических монополий. Апеллируя к государству, буржуазные апологеты возлагают на него ответственность за создание устойчивой рыночной конъюнктуры, преодоление угрозы кризиса и устранение массовой безработицы. Распространяя свои взгляды, проповедники «организованного» капитализма опираются на быстрое развитие в США государственно-монополистического капитализма, создающего иллюзию способности государства обуздать стихийные силы, двигающие капиталистическое производство.

Как известно, инициатором идеи «регулируемого» капитализма являлся английский экономист Дж.

Кейнс, пытавшийся разработать методы государственного вмешательства в интересах создания устойчивой конъюнктуры достижения полной занятости и устранения опасности возникновения экономических кризисов. Теория «организованного» капитализма имела большое хождение в 30-е гг., но не смогла получить сколько-нибудь заметного практического осуществления.

Попытки правительства Рузвельта применить некоторые идеи Кейнса в антикризисных целях не увенчались успехом и не спасли страну от обострения экономических противоречий. Современные последователи Кейнса стремятся приспособить взгляды своего учителя к нынешним экономическим условиям США и ищут новые аргументы для обоснования возможности и целесообразности научного регулирования капиталистической экономики.

При этом некейнсианцы используют в качестве главного своего козыря действительно происшедшую на базе государственно-монополистического капитализма активизацию связей государства и монополий. По их мнению, на этой основе создались ныне условия для превращения американской экономической системы в «организованный» капитализм.

Путем дальнейшего усиления государственного вмешательства в дела экономического развития представители современного кейнсианства Дж. Кларк, С. Сlichter, А. Хансен, С. Харрис и другие предлагают закрепить в экономике обширный государственный сектор и подчинить правительственному контролю также весь частный сектор. Тем самым станет возможным централизованное и чуть ли не плановое управление хозяйством и появится основа для составления практических моделей «регулируемой» экономики, способной обеспечить капитализму необходимые народнохозяйственные пропорции. Особые надежды возлагаются на использование в экономических расчетах электронно-вычислительной техники, с тем чтобы определять соответствующие балансы спроса и предложения товаров для создания устойчивой рыночной конъюнктуры.

Буржуазные теории государственно-монополистического капитализма считают целесообразным ограничение частного предпринимательства и формирование «смешанной» экономики, близкой, по их мнению, к со-

циализму, с его идеей общественной собственности. При этом сосредоточение в руках государственных органов основной массы товарной продукции позволит избежать кризиса перепроизводства ввиду возможности централизованного распределения, не допуская на рынок «излишних» товаров.

Идеи государственного вмешательства получили поддержку со стороны «большого бизнеса», нуждающегося в «регулировании» запущенного капиталистического хозяйства.

Неуверенность капиталистов в устойчивости предстоящей конъюнктуры приводит к увеличению удельного веса в экономике государственных капиталовложений; они растут за последние годы вдвое быстрее частных. Монополистический капитал стремится переложить риск нового строительства на государство. Этим объясняется то, что многие конкретные предложения, выдвинутые апологетами «организованного» капитализма, находят поэтому практическое одобрение. Прежде всего в США обращают особое внимание на дальнейшее увеличение государственного предпринимательства.

Если прежде государству отводилась роль своеобразного катализатора в развитии капиталистического хозяйства путем осуществления функции хозяйственного регулирования и контроля, то теперь оно становится крупнейшим собственником функционирующего капитала, непосредственно участвуя в воспроизводственном процессе.

В настоящее время государство владеет 20 тыс. предприятий и все в большей степени само занимается производством товаров и услуг. Общая стоимость имущества, принадлежащего одному лишь военному ведомству, составила в 1964 г. 173 млрд. долл. Пентагон обладает собственностью на 12 млн. га земли, что превышает территорию таких семи северо-восточных штатов страны, как Род-Айленд, Делавэр, Нью-Джерси, Массачусетс, Вермонт, Нью-Гемпшир и Мэриленд вместе взятых, и, кроме того, владеет земельными участками в размере около 1 млн. га в других странах¹.

Доля государственного сектора в валовом национальном продукте в 1963 г. составила 22,2% против

¹ J. D u s h a. Arms, Money and Politics. N. Y., 1965, p. 63.

8,8% в 1929 г., но как указывают авторы исследования по вопросам структуры американской экономики, эти официальные данные являются заниженными¹. Государству принадлежит также четвертая часть внешних инвестиций США.

В проекте новой Программы Коммунистической партии США, недавно обсужденном на ее съезде, отмечается, что «федеральное правительство стало предприятием с ежегодным оборотом капитала в 100 млрд. долл. Правительство стало тем каналом, через который миллиарды долларов, собираемые со всей нации в виде налогов, перекачиваются в сейфы гигантских корпораций»².

В соответствии с рекомендациями теоретиков «большого бизнеса» американское правительство, пользуясь бюджетными методами, проводит крупное дорожное строительство, осуществляет эксплуатацию автострад, финансирование сферы коммунальных услуг, здравоохранения и образования.

Заслужила одобрение в буржуазной экономической литературе попытка централизованных вложений в комплексное хозяйственное освоение целого района, как, например, это было сделано посредством созданного правительством «Управления развитием долины реки Теннесси».

Значение государственного сектора в экономике США возрастает. Число занятых в этом секторе увеличилось вдвое по сравнению с довоенным уровнем и достигло в 1963 г. 11,3 млн. человек (включая военнослужащих), что составляет 16,3% от общего числа всех занятых в стране³. Кроме того, как отмечалось в 1963 г. в послании президента по вопросу о рабочей силе, выполнение государственных заказов дает занятость еще 6,5 млн. человек в частном секторе. Из этого делается вывод о том, что в целях повышения занятости необходимо всячески расширять экономическую деятельность государства⁴.

Наряду с ростом государственных капиталовложений в народное хозяйство США возросло за последние годы

¹ E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. *The Plurastic Economy*. N. Y., 1965, p. 85.

² «Правда», 1966, 23 марта.

³ E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. *Op. cit.*, p. 114.

⁴ *Ibid.*, p. 143.

стимулирование правительством частных инвестиций. С этой целью расширяется система предоставления субсидий частному капиталу в лице отдельных корпораций, запрашивающих финансовую помощь. Такое содействие уже получили горнодобывающая и судостроительная промышленность, гражданская авиация.

Большие средства отпускаются государством на финансирование важнейших научно-исследовательских работ. На эти цели сейчас ежегодно отпускается не менее 16 млрд. долл., причем 80% этой суммы расходуется на финансирование научных исследований, производимых частными учреждениями (промышленными фирмами, университетами и т. д.)¹. Предлагается усилить государственное регулирование денежного обращения, цен и кредита, а также осуществлять благоприятную налоговую политику для поощрения накопления капитала и стимулирования корпораций на увеличение капитальных вложений.

Все более возрастает в США роль государственно-монополистического регулирования рынка. В буржуазных научных кругах считают, что увеличение правительственных закупок промышленной и сельскохозяйственной продукции позволит подчинить производство структуре предъявляемого государством спроса, что ослабит опасность перепроизводства.

Общие размеры государственных расходов на закупку товаров и услуг составили в 1964 г. 128,6 млрд. долл., причем 45% этой суммы представляют собой затраты на военную продукцию и на поддержку атомных и космических исследований. Структура государственного потребления, как правило, отражает интересы крупных монополий, деятельность которых всячески поощряется выгодными правительственными контрактами.

Свидетельством этого может служить хотя бы интенсивно происходящий в настоящее время процесс накопления больших запасов стратегического сырья, общие размеры которого оценивались в 1964 г. суммой в 8,5 млрд. долл. При этом чрезмерное сосредоточение этих запасов в руках государства, как отмечает журналист Дж. Душа, определяется не столько экономической

¹ Н. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 177.

целесообразностью, сколько «заинтересованностью в этом горнодобывающих предприятий»¹.

Многие монополии целиком реализуют свою продукцию правительственным органам, которые заранее определяют в контракте номенклатуру заказа, сроки его исполнения, качество, цены и прибыли. Установление столь прочных связей «бизнеса» с государством дало основание американскому экономисту Э. Гинзбергу сделать любопытный вывод о том, что большинство подобных корпораций представляет собой новый тип предпринимательства: «особый гибрид, не принадлежащий к числу ни государственных, ни частных предприятий»².

На самом деле, конечно, эти связи не меняют капиталистического характера данных предприятий, однако упомянутое заявление буржуазного автора следует расценивать как фактическое признание качественных сдвигов, происшедших в американской экономической системе и усиления в ней явлений государственно-монополистического капитализма.

Политика «организованного» рынка нашла весьма конкретное проявление в США в попытках государственного регулирования сельскохозяйственного производства.

Сразу же после войны американским правительством стали применяться закупки излишков фермерской продукции по твердым ценам. До середины 50-х годов государством было израсходовано на эти цели свыше 12,5 млрд. долл. Однако будучи половинчатой мерой это приводило лишь к перераспределению товарных запасов из фермерских амбаров в государственные закрома. В руках правительства сосредоточивались огромные нереализованные товарные запасы, достигшие к 1956 г. общей суммы в 9 млрд. долл.

В 1956 г. президентом Эйзенхауэром была выдвинута программа Земельного банка, согласно которой начала осуществляться консервация сельскохозяйственных земель с соответствующей компенсацией фермам за сокращение посевных площадей. Уже в 1957 г. Земельным банком были подписаны соглашения о консер-

¹ J. Dusha. Op. cit., p. 132.

² E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. Op. cit., p. 4.

тации земель с 915 тыс. фермеров, что составляло примерно четвертую часть общего их числа. К 1961 г. посевные площади были сокращены на 10,4 млн. га (что уменьшило годовую стоимость сельскохозяйственной продукции на 1,2 млрд. долл.). За эти же годы фермеры получили денежную компенсацию на общую сумму в 2,5 млрд. долл.

Эта политика, однако, не дала действенных результатов, так как крупные фермы пускали в залежь в основном малоплодородные земли и в то же время, используя все средства для интенсификации производства, путем повышения урожайности на сократившихся площадях сохранили свои доходы. Что же касается мелких ферм, то они на сделку с Земельным банком не шли, боясь окончательного разорения.

Правительственная программа Кеннеди предусматривала дальнейшее усиление государственного регулирования сельскохозяйственного производства в интересах уменьшения аграрного перепроизводства. С этой целью устанавливалась общая квота посевов и гарантировались закупочные цены, по которым действующая при правительстве товарно-кредитная корпорация должна была принимать в залог и скупать фермерскую продукцию, произведенную в рамках квоты. Предполагалось, что на этой основе масштабы сокращения сельскохозяйственного производства значительно возрастут, что позволит обеспечить повышение гарантированных цен на фермерскую продукцию.

Вначале эта программа распространялась на кормовые культуры — кукурузу и сорго: за сокращение посевов по этим культурам на 20% гарантированные цены на продукцию увеличились соответственно на 13 и 27% по сравнению с уровнем 1960 г. В осуществлении данной программы приняло участие 42% фермеров, выращивающих кукурузу и сорго, в результате чего посевные площади в 1961 г. уменьшились на 8 млн. га, что представляло собой наиболее крупное в истории США сокращение.

В августе 1961 г. этот сельскохозяйственный закон был распространен на ячмень и пшеницу. При этом всем фермерам в обязательном порядке предписывалось уменьшить посевы пшеницы на 10% при условии повышения закупочных цен на 12%. За превышение инди-

видуальной квоты посевов взимался значительный штраф.

В апреле 1964 г. президент Джонсон, продолжающий аграрную политику своих предшественников, подписал новый закон по пшенице урожая 1964 и 1965 гг. Общая квота посевов устанавливалась в размере 20 млн. га. Разница против 1963 г. в 2,3 млн. га должна идти в консервацию.

Каждому фермеру, принявшему участие в правительственной программе (таких насчитывается 90%) гарантируются получение закупочной цены в 1,25 долл. за бушель урожая 1965 г., произведенный в рамках индивидуальной квоты посевов, а также дополнительные премии за сокращение посевных площадей ниже установленной квоты.

Аналогичная программа осуществлялась по кукурузе, сорго, ячменю, хлопку и шерсти.

В ноябре 1965 г. Конгрессом был принят новый «Закон 1965 г. о продовольствии и сельском хозяйстве», снижающий уровень гарантированных цен для фермеров для усиления конкурентоспособности американских товаров на мировом рынке. Возникающие потери фермеров предусматривалось несколько компенсировать увеличением прямого их субсидирования.

Все государственные расходы по программе поддержания цен и хранению «избыточных» запасов сельскохозяйственной продукции, достигшие в прошедшем финансовом году общей суммы 5,9 млрд. долл., осуществляются за счет федерального бюджета, т. е. в конечном итоге требуют усиления налогового пресса как основного источника государственных доходов. 80% отпускаемых средств попадает в руки верхушки фермеров (20% от общего числа) и в этом отражается монополистическая политика правительства, стимулирующая развитие крупных хозяйств.

Буржуазные экономисты, столько лет говорившие об «устойчивости» американского фермерского хозяйства, ныне в обстановке обострившихся в стране аграрных затруднений твердят о необходимости значительного усиления государственной помощи фермерам, без которой последние якобы обречены на гибель. При этом на основе вычисляемых ими «оптимальных» размеров хозяйства делают выводы о нежелательности вооб-

ще дальнейшего сохранения неустойчивого мелкого хозяйства. По официальным расчетам признается, что количество сельскохозяйственной продукции, необходимое для удовлетворения нынешнего спроса внутреннего и внешнего рынка, могло бы быть произведено на 1 млн. ферм, хотя их насчитывается сейчас около 3,4 млн.

На основе разработанных рекомендаций правительством недавно принята программа создания в сельском хозяйстве «рациональной экономической структуры» с тем, чтобы уже в ближайшее время около 1 млн. нерентабельных ферм, не способных по официальному свидетельству обеспечивать минимальный жизненный уровень даже при условии продолжающейся правительственной помощи, были бы ликвидированы, а высвободившиеся площади к 1969 г. превращены в лесные угодья или пастбища.

В результате осуществления правительственной аграрной программы посевные площади в стране в настоящее время более чем на 10% уступают среднему уровню 1950—1955 гг. Законсервировано примерно 23 млн. га пахотных земель. А в целом производственные мощности в сельском хозяйстве, по данным министра сельского хозяйства Фримена, не используются примерно на 25%. Несмотря на это в течение ближайших 10 лет предполагается дальнейшее сокращение посевных площадей США не менее чем на 20 млн. га с тем, чтобы уровень продукции соответствовал внутреннему спросу и экспортным потребностям.

Активизация регулирующих функций несомненно усилила позиции государства в сельском хозяйстве США. В общей сложности при правительственной поддержке реализуется в настоящее время около 45% всей товарной сельскохозяйственной продукции¹.

Однако все предпринятые попытки государственного регулирования сельскохозяйственного производства путем правительственных закупок «излишков» продукции, форсирования экспорта и стимулирования фермеров на сокращение посевных площадей не смогли преодолеть в США аграрный кризис.

На современном этапе государственно-монополистическое регулирование все больше расширяется, перерас-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 634.

тая национальные рамки США и воздействуя на сферу международных экономических отношений. Начиная с «плана Маршалла» и создания «Международного Банка реконструкции и развития» и кончая различными формами военной и экономической «помощи» развивающимся странам, американское правительство все интенсивнее осуществляет внешнеэкономическую экспансию. Для этого оно увеличивает размещение за границей государственных инвестиций, которые выросли за период с 1955 по 1964 г. более чем на одну треть и составили 21,8 млрд. долл. Большой степени достигло также использование государством внешнего рынка для сбыта закупленных у монополий материальных ценностей под видом «помощи» иностранным государствам. Общая сумма подобных межгосударственных поставок военной и гражданской продукции по бюджету 1966—1967 гг. превышает 4,2 млрд. долл.

Особое место в системе государственного регулирования всегда занимало стремление устранить цикличность капиталистического производства и предотвратить экономические кризисы, возникновение которых служит одним из наиболее серьезных обвинений в адрес загнивающей буржуазной системы. Проповедники теории «организованного капитализма» хорошо понимают, что если бы им удалось разработать теоретические основы бескризисного развития, это стало бы крупнейшим достижением буржуазной экономической мысли.

Этим объясняется появление многочисленных рекомендаций, направленных на усиление государственного вмешательства в дела экономики для установления в ней необходимой антикризисной пропорциональности. Как пишет известный американский экономист Дж. Голбрейс, в капиталистическом хозяйстве необходима «уравновешивающая сила государства»¹.

Причину кризисов большинство буржуазных исследователей видит в расстройстве сферы обращения, что выражается в отставании спроса от товарного предложения. А это, в свою очередь, происходит будто бы вследствие личного и производственного недопотребления.

Вот почему среди предлагаемых антикризисных мер выдвигается на первый план стимулирование спроса,

¹ J. Galbraith. American Capitalism. N. Y., 1952, p. 8.

особенно государственного (причем, как говорил Дж. Кейнс, пусть государственные заказы идут хоть на никому не нужное строительство пирамид). Государство, указывает А. Хансен, должно резко увеличить свой авторитет в роли покупателя продукции и инвестора. Считается желательным поэтому расширение бюджетных расходов на эти цели (в том числе и военных), снижение ссудного процента для поощрения кредитов, усиление заботы о внешнем рынке.

Все эти предложения, однако, отражают теоретическую беспомощность авторов, ищущих причины кризисов в поверхностных явлениях нарушений рыночных связей. Они не учитывают того, что кризисы представляют собой объективную закономерность капиталистического способа производства и служат проявлением основного противоречия капитализма. Частная собственность на средства производства вследствие весьма ограниченной возможности ее «регулирования» обрекает капитализм на анархию производства и невозможность плановой увязки производства и потребления.

Буржуазное государство бессильно приостановить действие экономических законов капитализма. Поэтому надежда на то, что мерами государственного вмешательства удастся преодолеть циклический характер современного экономического развития США, вряд ли отвечает здравому смыслу.

Как и следовало ожидать, антикризисные мероприятия в США не дают должных результатов. Более того, рост государственных расходов при сокращающихся в период кризисов государственных доходах увеличивает бюджетный дефицит и государственный долг, а это имеет своим результатом так называемую «ползущую» (т. е. медленно, но систематически растущую) инфляцию, рост цен и утечку золота за границу. Не случайно плачевные итоги «антикризисной» деятельности американского правительства вызвали споры о том, что же все-таки страшнее: сам кризис или инфляция, порождаемая борьбой с кризисом?

Полоса послевоенных кризисов наголову разбила всплывшую было вновь на поверхность теорию «бескризисного» развития американского капитализма. Опьяненные экономическими успехами военного времени и первых послевоенных лет, буржуазные апологеты друж-

но заявляли о том, что благодаря активному государственному вмешательству в дела экономики марксистская теория кризисов утратила свою силу. Кризисные удары по американской экономике сделали их заблуждения очевидными. Поэтому стали говорить о полезности «легких» кризисов, так как увеличивающаяся даже при небольшом спаде производства безработица сдерживает рост заработной платы и делает рабочих, страшущихся потери работы, более покладистыми.

В своих выводах буржуазные теоретики исходили из того, что ни один из послевоенных кризисов не достиг масштабов беспрецедентного в истории капитализма кризиса 1929—1933 гг., ставшего своеобразным эталоном при оценке капиталистического цикла. Конечно, кризисы послевоенного времени действительно по своему размаху уступают «великой депрессии» начала 30-х гг. Однако никто не может опровергнуть того, что они приносили заметные разрушения американской экономической системе. Кризис 1957—1958 гг., например, в фазе своего максимального падения привел к сокращению уровня промышленного производства США на 14%, что отбросило экономику страны на 5 лет назад. И это бесспорно свидетельствует о сохранении циклического развития американского капитализма. Экономические кризисы имманентны капитализму и смогут быть устранены лишь с ликвидацией буржуазного способа производства.

Многие буржуазные теоретики связывают проблему государственного регулирования капиталистического хозяйства с необходимостью поощрения деятельности монополий. По их мнению, до тех пор пока в стране господствует система свободной капиталистической конкуренции, производство распылено на множество самостоятельных предприятий и осуществлять какое-либо централизованное руководство ими практически невозможно. Другое дело — монополии, с которыми в силу их ограниченного числа правительству можно договориться, которыми можно оперативно руководить и которые к тому же сами жаждут государственного вмешательства.

Защитники «большого бизнеса» Дж. Голбрейс, С. Сличтер, Дж. Шумпетер и другие считают монополии наивысшим достижением общественного развития, так

как они позволяют добиваться наибольшего эффекта в ходе производственного процесса¹. Крупные корпорации имеют меньше производственных затрат, лучшую рентабельность, большую прибыль. На этой основе они могут интенсивнее осуществлять капитальные вложения для ускорения производства, а также лучше противостоять рыночным затруднениям при кризисных спадах.

По мнению профессора Э. Мэнсфильда, осуществление технического прогресса также под силу только крупному капиталу (нужны большие средства на финансирование изобретений и внедрение технических новшеств)².

Монополии, таким образом, оцениваются как благо, так как укрупнение производства облегчает государственное регулирование, позволяет устранить хаотичность и анархию в экономике и создает возможность появления «организованного» капитализма. Апологеты капиталистических корпораций утверждают поэтому, что демополизация в современных условиях представляла бы собой шаг назад и выдвигают задачу: используя меры государственного вмешательства, еще сильнее концентрировать производство и поощрять деятельность монополистического капитала.

Антитрестовское законодательство, истоки которого уходят к «закону Шермана» (1890 г.), по мнению исследователей процесса концентрации в США, не оправдало себя и нуждается в отмене. Существовая на протяжении 75 лет, оно оказалось бессильно предотвратить естественный процесс концентрации: большие размеры производства требуют и соответствующих масштабов его организации, но это могут осуществить лишь крупные корпорации³.

Распространяются взгляды, отрицающие существование в американской экономической системе монополий в том виде, который критиковал В. И. Ленин, будто бы взаимоисключавший понятия: монополия и конкуренция. Предлагается в этой связи вообще устранить

¹ «Monopoly Power and Economic Performance». N. Y., 1964, pp. VIII, 18, 42.

² Ibid., p. 57.

³ Ibid., p. 41.

из научного употребления пугающее общественное мнение слово «монополия», под которым якобы понимается полный захват целой отрасли одной единственной капиталистической фирмой, что, вообще говоря, встречается крайне редко. «Настоящая» монополия, по мнению буржуазных идеологов, действительно плоха, но на большинстве товарных рынков США фигурирует ныне не одна, а несколько компаний и это уже не страшно, так как между ними идет конкуренция в пользу потребителей. Если же появилась конкуренция и стал невозможным диктат рынку, то это означает, что «монополия» уступила место «олигополии» (под которой понимается наличие в той или иной отрасли нескольких фирм).

Все эти утверждения покоятся на неверной научной основе и противоречат марксистскому пониманию монополий. Дело в том, что апологеты «большого бизнеса» считают, что концентрация представляет собой не продукт капиталистического развития, а организационную проблему, что концентрация идет не на базе капиталистической частной собственности, а в силу механического возрастания масштабов производства, требующих сосредоточения выпуска продукции на крупных предприятиях.

Что же касается терминологии, то В. И. Ленин никогда не отождествлял монополию с так называемой «чистой монополией» и постоянно говорил, что монополии не устраняют конкуренцию, а обостряют ее, вызывая новые, более изощренные ее формы. Наряду с монополиями всегда существовали и будут существовать мелкие фирмы — «аутсайдеры», пытающиеся устоять в конкурентной борьбе с корпорациями-гигантами. Критикуя теорию «чистого империализма» К. Каутского, В. И. Ленин указывал на невозможность сплошной монополизации капиталистической экономики.

Восхваление же олигополии, обеспечивающей будто бы конкурентную борьбу, явно преждевременно, так как существование на рынке нескольких корпораций не только не исключает, но, наоборот, предполагает договоренность между ними о единых ценах, сферах влияния и т. д.

Известно, например, что в 1961 г. электротехнические фирмы «Дженерал электрик», «Вестингауз», «Эллис Чалмерс» и другие были уличены в тайном сговоре о

ценах и рынках сбыта¹. 10 апреля 1962 г. «Стальной трест» и другие металлургические монополии США, заключив соглашение, одновременно увеличили цену на сталь на 6 долл. за 1 т. Это вынудило президента Кеннеди уже на следующий день заявить о том, что «гигантские корпорации решили повысить цены, жестоко игнорируя свою ответственность перед обществом»².

Деятельность монополий носит реакционный характер. Именно они повинны в затруднениях, переживаемых современной американской экономикой, способствуя установлению монопольно высоких цен, получению сверхприбылей и резкому усилению эксплуатации трудящихся. Процесс концентрации обостряет неравномерное развитие отдельных отраслей, ухудшает положение мелких и средних фирм, приводит к пролетаризации мелких собственников. Господство финансового капитала исключает поэтому возможность внести «организующее начало» в экономическую систему капитализма. Поэтому так свежо в современных условиях звучат слова В. И. Ленина: «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, приукрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в **некоторых** отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную **всему** капиталистическому производству в целом»³.

Откровенной апологетике современного монополистического капитализма в американской экономической литературе противостоят теории «свободного предпринимательства», выражающие интересы мелкой и средней буржуазии. Как известно, несмотря на усиление господства в экономике монополий «чистого» империализма быть не может. Поэтому наряду с крупными корпорациями, олицетворяющими власть финансового капитала, в США продолжает существовать множество мелких и средних предприятий.

Через механизм монопольных цен эти предприятия вынуждены уступать часть прибавочной стоимости монополиям, а процесс концентрации завершается для многих из них разорением и лишением хозяйственной

¹ «Monopoly Power and Economic Performance», p. XI.

² Ibid., p. 89.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 324.

самостоятельности. Это, естественно, вызывает у «мелкого бизнеса» недовольство засильем монополий и становится почвой для появления в США ряда теорий, критикующих монополии.

Сторонники принципа «свободного предпринимательства» Дж. Стиглер, М. Димок, Дж. Бэкмэн, Дж. Бейн и другие выступают за возврат к прошлому, которое они идеализируют. По их мнению, домонополистический капитализм, основанный на идеях «свободного рыночного хозяйства», был лишен тех очевидных недостатков, которые принесло с собой господство монополий. Все зло современной американской экономической системы, говорят указанные авторы, состоит в монополиях и поэтому пришла пора отказаться от них и вернуться к «либерально-индивидуалистскому обществу»¹.

Опровергая доводы защитников «большого бизнеса» о преимуществах монополизированного производства, Дж. Стиглер утверждает, что по своей экономической эффективности мелкие предприятия не намного уступают крупным: иначе мелкое производство давно бы уже в США исчезло². Учитывая, что величина предприятия не играет в процессе производства большой роли, продолжает он, вполне возможно распустить в стране корпорации и тем самым спасти капитализм, зашедший в тупик в результате их преобладания.

Призывая себе на подмогу различные авторитеты, начиная от А. Смита и кончая древнеримскими авторами, сторонники свободы предпринимательства подвергают монополистические слои резким нападкам. Нынешняя деятельность монополий, по их словам, полностью исключает в США конкуренцию и это препятствует функционированию механизма свободного рынка, который «в старые добрые времена» будто бы стихийно выравнивал народнохозяйственные диспропорции. В качестве подтверждения вредоносного влияния монополий приводятся примеры преднамеренной порчи и прямого уничтожения продукции корпорациями для того, чтобы поддержать уровень продаж³.

В своей недавно опубликованной книге, написанной с антимонополистических позиций, покойный американ-

¹ «Monopoly Power and Economic Performance», p. 12.

² Ibid., p. 8.

³ Ibid., p. 5.

ский сенатор Э. Кефвер писал, что установление монопольных цен означает, что «производственные мощности монополизированных отраслей бездействуют, а рабочие сталкиваются с увольнениями и хронической безработицей»¹. Т. Куинн, выставляя себя представителем «демократического мелкого бизнеса», восклицал: «Как нелепо, как бесчестно говорить, что все люди в нашей стране имеют равные возможности!»².

Чрезмерный уровень концентрации, указывает Т. Цитовски, превзошел все целесообразные нормы, необходимые для осуществления капиталистического производства³. Вот почему дальнейшее сосредоточение производства в США в руках монополий выдвигается в качестве основной угрозы для общества. При этом отмечается, что опасна не величина корпорации сама по себе (она может быть гигантской и в этом еще нет ничего страшного), а установление ею контроля над рынком, что нарушает свободу конкуренции и уничтожает аутсайдеров.

В качестве выхода из создавшегося положения сторонники «неолиберализма» предлагают провести ряд практических мероприятий, направленных на ограничение монополий, расформирование гигантских компаний и оказание поддержки свободному предпринимательству. Слияния должны быть вообще запрещены и вызываться только технологической необходимостью. Все это должно привести, как пишет М. Димок, к желаемой цели: «всеобщей децентрализации производства».

Большие надежды в осуществлении деконцентрации перечисленные авторы возлагают на меры государственного вмешательства, выступая с призывами к правительству обуздать монополии, устранить их всевластие и создать условия, благоприятные для мелкого предпринимательства⁴.

Апологеты «свободного рыночного хозяйства» признают, что антитрестовское законодательство в прошлом неизбежно оказывалось беспомощным в столкновениях

¹ E. Kefauver. In *A Few Hands. Monopoly Power in America*. N. Y., 1965, pp. 3—4.

² T. Quinn. *Unconscious Public Enemies*. N. Y., 1962, p. 127.

³ «Monopoly Power and Economic Performance», p. XI.

⁴ J. Backman and M. Gainsburgh. *The Forces Influencing the American Economy*. N. Y., 1965, p. 9.

с «большим бизнесом». В этой связи упоминаются наши-
мевшие неудачные процессы против «Америкэн тобэко»,
«Дженерал электрик» и других американских корпора-
ций, обвинявшихся в нарушении «закона Шермана». В
числе более свежих примеров приводят оправдание в
1947 г. Верховным судом США компаний «Нэшнэл лед»
и «Дюпон», сосредоточивших в своих руках 90% произ-
водства титана в стране. Несмотря на очевидность суще-
ствования сговора этих двух американских монополий,
им якобы удалось доказать наличие на рынке энергич-
ной и эффективной конкуренции между ними¹.

Ныне, по мнению буржуазных критиков монополий,
позиции государства в экономике укрепились и это да-
ет возможность поставить на новую основу антитрестов-
ское законодательство, сделав его более действенным ры-
чагом правительственного контроля над сферой «боль-
шого бизнеса». При этом рекомендуется использовать ан-
титрестовские законы заодно и против американских
профсоюзов, захвативших будто бы в свои руки «моно-
полию на труд» и препятствующих свободной конку-
ренции на рынке рабочей силы².

Критические обличения современной капиталистиче-
ской системы США, с которыми выступают указанные
авторы, имеют для нас, несомненно, определенную цен-
ность. Однако ограниченность этой критики состоит в
том, что она остается в рамках апологетики буржуазно-
го строя: улучшение и исправление капитализма пред-
полагается осуществлять в условиях сохранения основы
его производственных отношений — частной собствен-
ности на средства производства.

Основной ошибкой теоретиков «мелкого предприни-
мательства» являются их утопические представления о
вечности законов свободной рыночной конкуренции и
случайности процесса концентрации, когда монополи-
стические соглашения и монопольные цены объясняются
злонамеренностью, эгоизмом отдельных предпринимате-
лей. Они не понимают объективной закономерности воз-
никновения монополистического капитализма, считают
монополии чужеродным телом, случайным явлением,
тормозящим «нормальное» капиталистическое развитие.

¹ «Monopoly Power and Economic Performance», p. 11.

² Ibid., p. 4.

Отсюда возникают их призывы возврата назад — к свободной конкуренции.

Однако марксизм-ленинизм считает монополии логическим результатом эволюции капиталистического способа производства, итогом качественных изменений, происшедших в буржуазной экономической системе. Свободная конкуренция неизбежно ведет к концентрации производства и капитала. Это естественный процесс, вытекающий из того, что крупное производство более эффективно, чем мелкое, и поэтому создает лучшие возможности для увеличения прибыли, что в свою очередь является движущим мотивом капиталистического производства.

Империализм, т. е. монополистический капитализм, представляет собой высшую стадию капитализма и вернуться вспять к низшей стадии невозможно. Критикуя Каутского за его идею возврата к мелкому предпринимательству, В. И. Ленин указывал, что свободная конкуренция «невозможна после того, как она родила монополии»¹. Вот почему никакому антитрестовскому законодательству не под силу распустить монополии.

Устранить гнет монополий можно не возвратом к домонополистическим временам, а только полной ликвидацией порождающей их частной собственности на средства производства. Однако подойти к подобному выводу буржуазные теоретики «свободного предпринимательства» не могут, иначе им пришлось бы сойти со своих позиций апологетики капиталистического строя.

Таким образом, мы видим, что буржуазные экономические теории, трактующие современное развитие государственно-монополистического капитализма, отличаются большим разнообразием. Однако надежды, возлагаемые этими теориями на решающую роль государства в разрешении народнохозяйственных проблем, весьма далеки от реальности.

Независимо от того, выступают ли сторонники «регулируемого» капитализма за усиление власти монополий или, наоборот, за их ограничение, все они исходят из неправильного понимания буржуазного государства как надклассовой категории, способной стать посредником в общественных отношениях и урегулировать капи-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 411.

талистические противоречия. Государство, по их мнению, существует независимо от расстановки классовых сил, играя в обществе нейтральную роль. Оно будто бы выражает интересы всех классов, стремясь лишь к улучшению существующего хозяйственного строя и обеспечению в обществе необходимого правопорядка.

Мнение это глубоко ошибочно, так как основано на полном игнорировании классовой сущности современного буржуазного государства, являющегося детищем и орудием финансового капитала. Государство никогда не выступает в качестве надклассовой силы и всегда выражает интересы класса, стоящего у власти. Неправильно было бы поэтому думать, что причины, побуждающие буржуазное государство усиливать свое экономическое вмешательство, вытекают из некоего стремления «сверху» упорядочить расстроенную капиталистическую систему, ограничить эксплуатацию и устранить кризисы. Подлинные причины активизации государственной деятельности в этом направлении заключаются в том, что обострение противоречий и осложнение экономических проблем империализма заставляют монополистическую буржуазию все больше обращаться к помощи государства.

Страдая от кризисов, узости рынка, растущего рабочего движения, финансовый капитал кровно заинтересован в государственном вмешательстве, видя в нем действенное средство для упрочения своего экономического могущества и усиления классового господства. Поэтому экономическое вмешательство государства стало необходимым капитализму, без него он существовать отныне не может. «Государственно-монополистический капитализм, — говорится в Программе КПСС, — соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

Поэтому и осуществляемое в США государственное регулирование экономики носит антагонистический,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 26—27.

классовый характер: поддерживая монополии, оно бьет по грядущимся; укрепляя господство монополистической буржуазии, затрудняет процесс революционного освобождения пролетариата. Совсем не случайно Э. Кефвер приводит свидетельство проф. Ф. Махлупа о том, что «правительство США делает гораздо больше для создания монополий, чем для их ликвидации или ослабления»¹.

Рост государственно-монополистического капитализма не меняет основ буржуазного строя. Природа капитализма сохраняется неизменной. Законы его развития остаются прежними, и противоречия не могут быть устранены. Государственная собственность в условиях государственно-монополистического капитализма представляет собой разновидность капиталистической собственности. Как указывал в свое время Ф. Энгельс, «пока у власти остаются имущие классы, любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы»².

В государственном секторе сохраняются те же производственные отношения, что и на частных предприятиях, и только предпринимателем выступает здесь не индивидуальный капиталист, а весь класс капиталистов, объединенных в лице буржуазного государства. В подобных условиях абсурдно считать возможным какое-либо подчинение монополий государству. Государство само превратилось в орудие монополистического капитала, служит органом диктатуры буржуазии, и экономическая политика его не может противоречить и ущемлять интересы господствующей верхушки общества.

Конечно, определенное государственное воздействие на экономическую жизнь США несомненно имеет место, и развитие государственно-монополистического капитализма делает все более заметным обслуживание государством нужд монополий. Однако никакие методы государственного регулирования не могут иметь решающего значения в упорядочении капиталистической общественной системы, так как они не способны отменить объективные экономические законы, а именно их дей-

¹ См.: E. Kefauver. Op. cit., p. 223.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 38, стр. 51.

ствием и вызываются анархия капиталистического производства, кризисы и безработица. Вот почему все рекомендации сторонников усиления государственного вмешательства в экономические дела фактически висят в воздухе, будучи не в состоянии «исправить» капитализм и трансформировать его в «экономически здоровое общество».

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ США

В своем анализе дальнейших перспектив развития американской экономики буржуазная научная мысль проявляет повышенный интерес к достижениям и последствиям величайшего научно-технического переворота, происходящего на протяжении последних десятилетий. Применение электроники и кибернетики, полупроводников и ракетной техники, атомной энергии и новейших синтетических материалов существенно изменили структуру общественного производства. Наблюдается широкое внедрение в производство комплексной механизации и автоматизации, охватывающих процесс обслуживания и управления станками и оборудованием, а также наиболее трудоемкие процессы перемещения и транспортировки. Созданы станки с цифровым (закодированным) программированием. Внедрение электронных счетно-аналитических машин привело к невероятному ускорению обработки информации, используемой для учета и контроля выпускаемой продукции и управления производством.

От автоматизации отдельных узлов произошел переход к автоматизации производственных линий и целых предприятий. Резко увеличилось количество изобретений и нововведений во всех отраслях хозяйства и ускорилось их внедрение в практику. По некоторым подсчетам общий объем знаний, которыми обладает человечество, удваивается в настоящее время через каждые десять лет¹. Несомненное возрастание в современной

¹ Н. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 190.

экономической жизни роли техники и происшедшие в результате ее развития крупные изменения в развитии производительных сил не могли остаться вне поля зрения ученых, ставящих своей целью поиски рецептов оздоровления современной хозяйственной системы капитализма.

Появились теории, считающие, что именно научно-технический прогресс спасет капитализм, вдохнет новые силы в его одряхлевший организм и послужит стимулятором его последующего расцвета. Основоположителем подобных «технологических теорий» считается французский экономист Жан Фурастье, опубликовавший в 1949 г. книгу «Великая надежда XX века», в которой объявил развитие техники подлинным и единственным двигателем общественного прогресса. Вслед за ним фетишизация роли техники нашла отражение в работах Дж. Диболда, Л. Гудмэна, Д. Майкла, Э. Шилса и других и в настоящее время стала одним из краеугольных камней американской буржуазной экономической мысли.

Придавая техническому прогрессу самодовлеющий характер, абстрагируя его от господствующих производственных отношений, буржуазные авторы явно переоценивают значение технических сдвигов для дальнейшей судьбы капитализма. Они считают, что с изменением техники меняется и капитализм. Скачкообразный рост производительных сил, по их мнению, создаст новую социальную структуру хозяйства, сгладит противоречия, устранил господство анархии и приведет к изобилию материальных благ, распределение которых изменится в пользу рабочих за счет капиталистов. Надо лишь подождать, успокаивают они рабочих и общественное мнение, и техника все спишет, в том числе и острые антагонизмы современной эпохи.

Техническая модернизация производства повысит накопления капитала, расширит размеры предъявляемого спроса и тем самым увеличит емкость внутреннего рынка. Повышая производительность труда, технический прогресс стимулирует капиталистов на новые капиталовложения и приведет к более справедливому распределению доходов. В результате этого, как с нескрываемым оптимизмом предполагает американский экономист Дж. Диболд, увеличится занятость, вырастет

заработная плата рабочих, сократится рабочий день, облегчится труд¹. «Век атома, электроники и автоматизации» — этих трех китов современной научно-технической революции — «исправит» капитализм, этически его обновит, создаст гуманные общественные отношения, исключающие классовую борьбу.

Особенно большая роль при этом придается автоматизации производства, быстрое распространение которой в современной американской экономике не может не быть замечено буржуазными исследователями. Учитывая высокие темпы внедрения автоматических устройств в США, сторонники теории «автоматизации экономики» выдвигают предположение о возможности в ближайшем будущем полной автоматизации американского хозяйства. Это должно, по их мнению, чрезвычайно ускорить желаемое обновление капитализма и внести в его экономику необходимый порядок. На автоматизированных предприятиях создается устойчивая занятость, так как численность обслуживающего персонала на подобных предприятиях мало изменяется при колебаниях производства. Кроме того, математизируемое управление способно предотвратить просчеты в организации производственного процесса и устранить циклические спады.

Развитие технического прогресса широко используется для маскировки сущности капиталистической эксплуатации. При этом вновь пережевываются давно раскритикованные К. Марксом и Ф. Энгельсом взгляды вульгарного буржуазного экономиста XIX в. Г. Кэри о том, что предприниматели получают прибыли не за счет присвоения неоплачиваемого труда рабочих, а в качестве вознаграждения за использование принадлежащих им средств производства. По мнению современных последователей Кэри, следует говорить не столько о производительности труда рабочего, сколько о производительности капитала. Технический прогресс ведет к росту органического строения капитала, вложения предпринимателя в постоянный капитал (средства производства) увеличиваются в большей степени, чем затраты на переменный капитал (рабочую силу). Следова-

¹ J. Diebold. Automation: Its Impact on Business and Labor. Washington, 1959, pp. 34—36.

тельно, эффективность производства, делают они вывод, зависит ныне не столько от «v», сколько от «с», роль рабочего падает, а роль техники возрастает.

Этим оправдываются растущие прибыли капиталистов, получаемые за счет технического прогресса, и снижение относительной заработной платы. Претензии же рабочих на повышение зарплат, таким образом, являются безосновательными. Марксистско-ленинской политической экономией, однако, доказано, что источником прибыли, как бы ни был высок органический состав капитала, является не весь капитал, а лишь та его часть, которая затрачивается на рабочую силу. Рост органического строения капитала поэтому ведет не к увеличению «справедливой» доли капиталиста в доходах, приносимых капиталом, а к повышению эксплуатации рабочего в результате увеличения прибавочного труда за счет сокращения необходимой его части, интенсификации труда и обострения безработицы.

Результаты производительности труда, а следовательно, и технического прогресса присваиваются не рабочими, а капиталистами. И это очень легко подтверждается примером США, где нынешняя полоса бурного технического прогресса, принося огромные прибыли монополиям, вовсе не отражается на повышении реальных доходов трудящихся. Отмечая наличие огромного скачка в развитии производительных сил, ряд буржуазных экономистов оценивает происходящие изменения как «вторую промышленную революцию», похожую по своей сущности и социально-экономическим последствиям на промышленный переворот (революцию) конца XVIII—XIX вв., который переходом к фабричному, машинному производству завершил процесс становления капиталистического способа производства.

На этой основе они делают вывод, что подобно тому как «первая» промышленная революция привела к победе капитализма, «вторая» промышленная революция заменит существующий строй новой справедливой общественной системой. Проводя аналогию с качественными сдвигами, происшедшими в общественной жизни в конце XVIII — первой половине XIX вв., сторонники современной теории «новой промышленной революции» забывают, что проходивший в прошлом промышленный переворот, как совершенно определенный исторический

этап в развитии капиталистического способа производства, опираясь на буржуазные революции, подвергшие коренной ломке старые производственные отношения феодализма. Окончательное падение феодализма и победа капиталистического строя произошли не потому, что техника на рубеже XVIII и XIX вв. сделала скачок, а потому, что возникли новые общественные отношения, основанные на эксплуатации капиталом пролетаризованного населения.

Именно эти новые капиталистические отношения дали возможность совершиться промышленному перевороту и ускорили его осуществление. Современные апологеты «второй промышленной революции» ошибочно предполагают, что научно-технические сдвиги способны сами по себе автоматически видоизменять капиталистический строй. Производительные силы буржуазного общества в настоящий период быстро растут. Однако этот рост затрагивает лишь техническую сторону производства и вовсе не означает одновременного устранения капиталистических производственных отношений. И это полностью теоретически обосновано, так как все научно-технические изменения происходят в условиях полного сохранения основы буржуазного строя — господства частной собственности на средства производства.

Распространяемые в США «технологические теории» страдают непоследовательностью и эклектичностью, нередко противореча друг другу. Наряду с тем, что одни из них обосновывают идею «улучшения» и спасения капитализма через технику, другие выдвигают происходящий ныне быстрый технический прогресс в качестве причины обострившихся за последнее время экономических затруднений в США, выступая с обвинением в адрес техники, которая будто бы «виновата во всем».

Сравнительно широкое распространение получили взгляды о том, что техника поставила человека в тупик, показав бесперспективность дальнейшего экономического развития. Прогресс техники дал возможность создать термоядерное оружие и другие средства массового уничтожения, которые делают фатальной неизбежностью крах мировой цивилизации, уничтожение всего живого и всех материальных и культурных ценностей, созданных человечеством за его многовековую историю. Некоторые исследователи утверждают, что в поединке

между техникой и человеком победу одержит техника. Механический мозг станет умнее человеческого, уничтожит мысль человека, превратит его в раба, обслуживающего машину. Технический прогресс, таким образом, выдвигается в качестве источника предстоящей деградации человеческого общества.

Известно, что в период промышленного переворота в Англии конца XVIII — начала XIX в. машины были выдвинуты в качестве мнимых виновников ухудшения положения фабричного пролетариата. Движение луддитов — разрушителей машин — в то время как раз и выражало рефлекс рабочих, видевших в технике угрозу для своей дальнейшей судьбы. Должны были пройти годы, прежде чем рабочие поняли, что причиной постигших их бедствий явились не сами машины, а их капиталистическое применение.

Для многих нынешних сторонников «технологических теорий» характерно подобное стремление возлагать на развитие техники ответственность за все пороки современного капитализма. В неустойчивости экономического развития, в кризисных спадах производства, безработице виновата якобы техника, а капитализм тут ни при чем. Именно технический прогресс, по их мнению, приводит к диспропорциям между структурой изменяющегося производства и спросом; происходящие вследствие этого неожиданные скачки в производственном процессе становятся источниками кризисов; рост производительности труда выталкивает рабочую силу с предприятий и т. д. Видя столь неблагоприятные явления, профсоюзы и многие рабочие страшатся техники и в ряде случаев выступают против автоматизации.

Техника и особенно автоматизация все больше становятся для общественного мнения не идеалом, а угрозой, опасность которой все более интенсивно дебатруется на страницах американской экономической печати. Однако во всех отрицательных проявлениях капиталистической системы техника, конечно, ни при чем. В условиях социализма, например, грандиозный технический прогресс и автоматизация служат важнейшим ускорителем общественного развития, создавая предпосылки для изменения характера труда, для ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом.

Диспропорции в капиталистическом хозяйстве и кризисы вызываются основным противоречием капитализма и всегда существовали независимо от степени технического прогресса. Точно так же и безработица не порождается и не рассасывается воздействием одной лишь техники и объясняется узостью капиталистического рынка, к которому предприниматели приспособляются путем вытеснения «излишней» рабочей силы. Технический прогресс лишь усиливает эту имманентную капитализму закономерность.

Коренной методологический порок «технологических теорий» состоит в фетишизации техники. Этот неправильный исходный момент сводит на нет все потуги объяснить современные экономические проблемы капитализма и дать практические рецепты устранения возникших затруднений. Совершенно несостоятельно утверждение буржуазных авторов о том, что не производственные отношения, не люди и их трудовая деятельность, а техника служит двигателем общественного прогресса. Ярким примером социальной демагогии является стремление доказать «надклассовый» характер технического прогресса, идущего будто бы на пользу всем слоям общества. Отсюда вытекает и попытка приписать технике способность определять экономические закономерности и изменять основы капиталистического способа производства. Техника, несомненно, играет в общественном хозяйстве огромную роль, оказывая значительное влияние на уровень развития производительных сил. Однако сама по себе она «мертва», представляя собой, по выражению К. Маркса, «костную и мускульную систему производства», для приведения к жизни которой нужно еще «сердце», движущая сила — человек.

«Технологические теории» игнорируют производственные отношения как неотъемлемую составную часть способа производства, закрывают глаза на то, кто и как владеет техникой, кто и как применяет машины. Отрывая технику от ее капиталистического применения, от целей ее использования и характера соединения ее с трудом наемного рабочего, буржуазные экономисты стремятся замаскировать эксплуататорскую сущность капитализма. Технический прогресс, какими бы быстрыми темпами он ни развивался, не может «от-

менить» капитализм, так как средства производства остаются у капиталистов и сохраняется прежняя цель производства — извлечение прибыли.

Плоды технического прогресса всегда доставались буржуазии, увеличивающей свои прибыли и накопления. Об этом свидетельствует вся предшествующая история капитализма, которая не в состоянии дать нам примера того, что в результате внедрения каких-либо научно-технических открытий в производство происходило бы перераспределение общественного продукта в пользу трудящихся. Наоборот, технический прогресс значительно обостряет все социальные и экономические противоречия капитализма, рождает для капитализма новые неразрешимые проблемы.

Растущие производительные силы входят во все большее столкновение с буржуазными производственными отношениями, оказывающими тормозящее влияние на общественный прогресс. И это не позволяет воспользоваться всеми благами и результатами развития производительных сил. Таким образом, капиталистическое, классово-ограниченное использование научно-технических достижений привело к усилению экономических трудностей современного буржуазного общества. Высмеивая оптимистический тон доклада о влиянии автоматизации и технического прогресса на экономику США, предьявленного Конгрессу группой американских ученых в 1955 г., экономист Э. Шилс пишет: «То, что казалось в 1955 г. авторитетным заявлением, оказалось на деле жалким предположением»¹.

Сейчас уже ни для кого не является секретом то, что научно-техническая революция значительно осложнила процесс расширенного капиталистического воспроизводства. Рост основного капитала и производительности труда непрерывно увеличивает масштабы товарного предложения. Однако господствующая при капитализме рыночная стихия усиливает несоответствие между производством и потреблением. Усиление специализации производства требует большего межотраслевого и внутриотраслевого кооперирования. Становится очевидной острая потребность в народнохозяйст-

¹ E. Shils. Automation and Industrial Relations. N. Y., 1963, p. 40.

венной координации и планировании. «Современная техника вызывает необходимость централизованного управления производством», — справедливо пишет прогрессивный американский экономист Дж. Будиш¹.

Этого как раз и не могут допустить присущие капитализму законы конкуренции и анархии производства. Буржуазное хозяйство не способно до конца использовать объективные условия для ускорения экономического развития, создаваемые техническим прогрессом и автоматизацией. Более того, темпы производства остаются замедленными, наблюдается огромная перегрузка предприятий, увеличиваются трудности рыночной реализации, усиливается разорение мелкого производства. В целом диспропорциональность экономического развития становится все более ощутимой и неотвратимой.

Но, конечно, самые серьезные отрицательные последствия технического прогресса обнаруживаются в сфере трудовых отношений. Автоматизация производства в условиях капиталистического предприятия ведет к нервному перенапряжению работающих, труд становится все более монотонным и утомительным, возрастает его интенсификация. Механизация производственных процессов и рост производительности труда делают ненужным трудовую деятельность многих сотен тысяч людей. Рабочие вытесняются машинами и как следствие этого возникают массовые увольнения, что «создает угрозу огромной безработицы и социальных беспорядков»².

Можно привести пример: производство одной автомашины в США требует в настоящее время в количественном выражении вдвое меньшего приложения человеческого труда, чем в 1957 г.³ Каждая электронно-вычислительная машина лишает работы 35 человек и вынуждает менять профессию еще 105 человек. Ввиду того что в США ежегодно производится около 10 тыс. подобных машин, они вытесняют в общей сложности 250 тыс. рабочих мест и заставляют переквалифициро-

¹ J. Budish. Is Communism the Next Stage? N. Y., 1965, p. 55.

² L. Turgeon. The Contrasting Economics. A Study of Modern Economic Systems. Boston, 1963, p. 163.

³ H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 156.

ваться свыше миллиона человек¹. Подсчеты профессора Д. Осборна, сделанные еще в 1953 г. по 12 отраслям американской промышленности, показали, что автоматизация сокращала потребности в рабочей силе в среднем на 65%². С тех пор отрицательный эффект автоматизации на проблему занятости, несомненно, еще более усилился.

По оценке председателя профсоюзного объединения АФТ—КПП Дж. Минни, в результате технического прогресса в 1963—1970 гг. в США будут ежегодно вытесняться в среднем 2,5 млн. производственных рабочих. Только в обрабатывающей промышленности автоматами ежегодно замещается 1,5 млн. рабочих мест³. Это совпадает с подсчетами американских экономистов, предсказывающих, что за период с 1960 по 1970 г. в стране будет утрачено вследствие автоматизации и комплексной механизации 22 млн. рабочих мест⁴. И, несомненно, для каждого из оставшихся без работы встанет первоочередная, а для многих и неразрешимая задача — где найти работу, так как вновь открывающиеся рабочие места будут в первую очередь замещены более молодыми и квалифицированными кадрами.

Американский журналист Б. Багдикян отмечает особенно неблагоприятные последствия технического прогресса на положении неквалифицированных рабочих, сфера труда которых подвергается наиболее острому натиску автоматизации. Эти рабочие (в их составе особенно много негров и цветных) в первую очередь вытесняются с предприятий и труднее всего вновь получают работу. Неквалифицированных промышленных рабочих сейчас в США насчитывается 7 млн. человек и число их непрерывно возрастает за счет миграции в города сельского населения⁵.

Автоматизация сурово сказывается на положении престарелых, которым под силу лишь несложная работа, быстрее всего заменяемая техникой. В результате

¹ D. Michael. The Next Generation. N. Y., 1965, p. 132.

² «Automation and Society». H. Jacobson and J. Roucek, ed. N. Y., 1959, p. 236.

³ B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America. Boston, 1964, p. 16.

⁴ H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 152.

⁵ B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America, p. 177.

этого, если в 1920 г. имело работу 30% престарелых в возрасте свыше 65 лет, то теперь работает лишь 20% и проблема их дальнейшего трудоустройства является наиболее затруднительной¹. Вот почему половина стариков — 8 млн. человек — живет в состоянии крайней бедности. Отмечая это, Б. Багдикян восклицает: «Наука продлила людям жизнь, но она же еще быстрее отнимает от нас возможность работать!»². Трудности с обеспечением занятости в современных условиях с большой тревогой отмечал незадолго до своей смерти президент Кеннеди, заявивший, что «главной проблемой 60-х годов, возникшей в области внутренней политики, является обеспечение полной занятости в обстановке вытеснения людей в результате автоматизации».

Пытаясь свалить на технику вину за обострение в стране социальных проблем, некоторые буржуазные ученые определяют возникновение в США «технологической безработицы», имеющей под собой не социальные, а сугубо технологические причины. Подобная безработица, в появлении которой виновата одна лишь техника, вытесняющая рабочую силу из производства, не представляет, по их мнению, серьезной угрозы для общества. Она носит неглубокий, кратковременный характер и связана только с перемещением рабочего с одного места работы на другое. Взгляды эти, конечно, не выдерживают никакой критики и полностью опровергаются данными официальной статистики, согласно которым средняя продолжительность безработицы в США в условиях технического прогресса непрерывно увеличивается. Если в 1950 г. каждый безработный не имел работы в среднем 12,1 недели, то в 1960 г. — 12,8, а в 1965 г. — 13,4 недели. Свыше полугода находились в поисках работы: в 1950 г. 11,4% всех американских безработных, а в 1964 г. — 12,4% общего их числа³.

С. Фабрикант, а за ним И. Брозен и некоторые другие американские экономисты идут еще дальше и, не сообразуясь с реальными фактами, пытаются утверждать, что автоматизация оказывает вовсе даже не от-

¹ «Automation and Society», p. 290.

² B. Bagdikian. In the Midst of Plenty. The Poor in America, p. 105.

³ «Statistical Abstract of the United States, 1965». Washington, 1965, p. 218.

рицательное, а положительное влияние на занятость. Они стремятся доказать, что результатом технического прогресса является лишь перераспределение занятости в силу того, что высвобождающиеся рабочие находят применение во вновь созданных отраслях и предприятиях. При этом с ускорением технического прогресса все интенсивнее происходит специализация производства и, следовательно, потребности в новых рабочих руках увеличиваются. Как считает И. Брозен, в итоге технологических сдвигов даже «больше рабочих мест создается вновь, чем ликвидируется»¹.

Все эти утверждения представляют собой перепевы старой «теории компенсаций», согласно которой рост производства автоматически вызывает соответствующее увеличение использования рабочей силы, так как потеря потребностей в рабочей силе в одних отраслях компенсируется повышением спроса на нее в других отраслях. «Теория компенсации» была опровергнута еще К. Марксом. Критикуя Мак Куллоха, Дж. Ст. Милля и других буржуазных экономистов, К. Маркс указывал, что несмотря на то, что часть вытесненных машинами рабочих действительно может быть вовлечена в новые отрасли, однако в силу общественного разделения труда и растущей специализации производства все новые рабочие места вряд ли смогут быть замещены уволенными рабочими как не имеющими соответствующей квалификации. Кроме того, вследствие повышения органического строения капитала процесс вытеснения усиливается и не компенсируется вновь возникающими рабочими местами.

По словам К. Маркса, утратившие работу «бедняги столь мало стоят вне своей старой сферы деятельности, что они имеют доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда»². Кроме того, надо учесть, что новые отрасли, как правило, высокомеханизированы, доля капитала, авансируемого на приобретение рабочей силы, непрерывно сокращается и потребности в рабочих руках здесь несомненно меньше, чем в старых отраслях. Да и требуются здесь рабочие узкой специальности и вы-

¹ «Automation and Society», p. 282.

² К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1963, стр. 451.

сокой квалификации, которой, как правило, не обладают лица, потерявшие работу. «Теория компенсации» не подтверждается современной практикой. Несмотря на создание многих новых специализированных отраслей и существенное увеличение масштабов производства, общая численность производственных рабочих в обрабатывающей промышленности США за период с 1953 по 1964 г. сократилась на 1176 тыс. человек. Уменьшилось и абсолютное число занятых в американской промышленности¹.

Столь же безосновательна широко распространенная в капиталистических кругах Америки идея о том, что высвобождающиеся производственные рабочие будут легко втянуты в непроизводственную сферу. Действительно, в США наблюдается огромное расширение удельного веса сферы государственного управления, обращения и услуг. Достаточно указать, что по числу занятых только лишь сфера торговли и услуг сейчас превосходит промышленность и сельское хозяйство вместе взятые². Однако несмотря на поглощение этой сферой значительных контингентов рабочей силы, это нисколько не влияет на сокращение безработицы промышленных рабочих. Трудно ожидать, да и жизнь это опровергает, что слесари, токари, грузчики и т. д. спокойно переместятся в торговлю и банки — подобное изменение занятий легко осуществить только на бумаге.

Кроме того, следует учитывать, что и в непроизводственной сфере также происходит процесс вытеснения работников, благодаря широкому внедрению электронных счетно-решающих устройств и автоматов. Вычислительные машины становятся все более дешевыми и доступными даже для сравнительно мелких фирм и учреждений и заменяют труд сотен и тысяч конторских служащих. Торговые автоматы в США осуществляют половину всех продаж сигарет, 25% — продажи напитков и 15% — кондитерских изделий и жевательной резинки. Все это свидетельствует о том, что внедрение электроники и автоматизации отражается на занятости не только производственных рабочих, но также и клерков и торговых работников. По этому поводу вице-пре-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 773.

² Ibid., p. 220.

зидент США Г. Хэмфри заявил, что по своим результатам автоматизация и кибернетика отличаются лишь тем, что первая вытесняет работников «в синих воротничках», а вторая — «в белых воротничках»¹.

Не в силах скрыть отрицательные последствия технического прогресса на занятость при капитализме, некоторые буржуазные авторы пытаются возложить на самих рабочих ответственность за возникшие трудности. Так, например, профессор Чикагского университета А. Уоллис выдвигает причиной внедрения технических новшеств высокую заработную плату рабочих. Дескать, в результате забастовок и деятельности профсоюзов рабочим удастся добиваться повышения заработной платы, а это вызывает целесообразность замены «дорогостоящего» работника техникой². В подобном объяснении концы с концами явно не сходятся. Несмотря на резкую интенсификацию труда и увеличение его производительности в связи с автоматизацией, за последние годы в стране не наблюдается какого-либо существенного роста реальной заработной платы, а уровень ее определяется вовсе не техническим оснащением предприятий, а стоимостью рабочей силы.

Сторонники «технологических теорий» не только констатируют неблагоприятное воздействие технического прогресса на положение с занятостью, но и разрабатывают конкретные меры для выхода из сложившегося тупика. Большие надежды при этом возлагаются указанными теоретиками на помощь государства, которое должно взять под свой контроль процесс автоматизации, чтобы «не повторились те отрицательные явления, которые последовали за первой промышленной революцией»³. Техническим прогрессом надо управлять, — призывает Г. Хэмфри, — и при помощи кибернетики организовать обмен текущей информацией по вопросам спроса и предложения рабочей силы в масштабах всей страны и «переливать» рабочую силу в соответствии с имеющимся на нее спросом⁴.

¹ H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 152.

² «Automation and Technological Change». N. Y., 1962.

³ E. Shils. Automation and Industrial Relations. N. Y., 1963, p. 339.

⁴ H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 179.

С этой целью предлагается активно заняться переподготовкой и переквалификацией лиц, профессии которых оказались излишними в связи с автоматизацией ряда производственных процессов. Как пишет А. Хансен, требуются «решительные усилия по расширению нашей системы образования для обучения и переобучения нескольких миллионов безработных, огромное количество которых не имеет квалификации и, следовательно, не может найти применения в современной промышленности»¹. В соответствии с рекомендациями экономических экспертов президента в 1962 г. в США был принят закон о ежегодном производственном обучении не менее 200 тыс. безработных по линии Министерства труда. Однако дело это было организовано плохо и результаты оказались еще более мизерными, чем сами планы. На протяжении последующих лет профессиональную подготовку прошли лишь несколько десятков тысяч человек — капля в море, учитывая многомиллионную армию лиц, находящихся в поисках работы².

Высказываются пожелания территориально переселять рабочих из «депрессивных районов», пораженных безнадежной безработицей, в районы «высокой деловой активности», увеличивать масштабы финансируемых государством общественных работ, даются советы рабочим сменить профессию и отрасль хозяйства, в которой они были до этого времени заняты, и т. д. Существенным дефектом всех этих рекомендаций является то, что все они смотрят на рабочего как на какое-то неодушевленное орудие, которое можно произвольно «переливать» из одной сферы хозяйства в другую, «переобучать», приспособлявая к нуждам капитала, не учитывая психологических, семейных и возрастных возможностей для этого.

Подобные предложения, не имея под собой реальной основы, естественно, не выходят за рамки благих пожеланий и на практике неосуществимы. Усиление «технологической безработицы» в современных условиях вызвало глубокие опасения по поводу дальнейших перспектив ее устранения. Так, например, известный аме-

¹ A. Hansen. Economic Issues of the 1960 s. N. Y., 1960, p. 83.

² H. Humphrey. War on Poverty. N. Y., 1964, p. 164.

риканский социолог Дональд Майкл пишет в своей книге «Будущее поколение»: «В последующие десять лет кибернетика преобразует весь рынок рабочей силы, начиная от управленческого аппарата и кончая сферой услуг. Не только неквалифицированные рабочие, но и административный персонал — инженеры и управляющие, чей нынешний труд требует высокой квалификации, обнаружат, что кибернетика узурпировала их должность»¹.

В связи с этим он предсказывает, что в ближайшем будущем социальные противоречия в США не только не сгладятся, но еще более усилятся «контраст между одной частью нашего населения, обездоленной и влачащей жалкое существование, и другой, пользующейся благами высокого уровня жизни». А в конечном итоге все это приведет к тому, что со временем в стране будет создана господствующая каста технократов, овладевших электронно-кибернетическими устройствами². Некоторыми буржуазными авторами высказываются пожелания, чтобы «предприниматели несли свою долю расходов, связанных с последствиями технического прогресса»³.

Однако, как правило, все тяготы, связанные с трудоустройством лиц, высвобождающихся в результате автоматизации, капиталистические компании стремятся переложить на плечи самих трудящихся. Показательными являются, например, действия корпорации Армора, создающей в настоящее время страховой фонд в размере 500 тыс. долл. (формирующийся за счет отчислений 1 цента с каждого произведенного центнера мяса). При этом комитет из 4 представителей администрации и 4 представителей профсоюзов с нейтральным управляющим будет распределять из этого фонда помощь для перемещения высвобождающейся в результате автоматизации рабочей силы в другие районы страны и для переобучения рабочих, имевших специальности, ставшие ненужными⁴. Трудящихся пытаются успокоить на всякий случай тем, что автоматизация, дескать, никогда не

¹ D. Michael. The Next Generation. N. Y., 1965, p. 120.

² Ibid., pp. 157, 170.

³ E. Shils. Op. cit., p. 67.

⁴ L. Litwack. The American Labor Movement. N. Y., 1964, p. 163.

будет абсолютно полной и, таким образом, всегда найдется место и для рабочих. Приводятся расчеты, по которым, например, полная автоматизация американской обрабатывающей промышленности потребует не менее 30—50 лет¹.

Монополии кровно заинтересованы в дальнейшей модернизации технических средств, чтобы снизить издержки производства за счет сокращения затрат на оплату рабочей силы. Невозможно получать монопольные прибыли, не идя в ногу с достижениями современной науки и техники: тот, кто предает забвению научно-технические новшества, тот проигрывает и должен уступить свое место. Этим объясняются быстро растущие в стране расходы на научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы. В 1964 г. они составили 18,7 млрд. долл., что в пять с половиной раз превысило уровень соответствующих затрат в 1950 г., а к 1974 г. предполагаются в размере 36 млрд. долл.².

Характерным является то, что, несмотря на финансирование значительной части этих расходов государством (главным образом в области военного дела), 70% всех исследований осуществляется непосредственно промышленными корпорациями, активно создающими научно-исследовательские сектора, проектно-конструкторские бюро и технические лаборатории³. Важно отметить также, что научно-технические достижения ранее всего внедряются крупными корпорациями, так как у мелких фирм нет для этого ни средств, ни специалистов⁴. Следовательно, и плоды технического прогресса попадают в первую очередь в карманы монополий.

Одновременно капиталистический строй препятствует всестороннему развертыванию научно-технической революции, монополиями финансируются лишь те направления в науке и технике, которые несут им непосредственную ближайшую выгоду. Власть монополий искусственно сужает рынок, а значит, и масштабы производства. Технический прогресс осуществляется непла-

¹ «Automation and Society», p. 288.

² J. Backman and M. Gainsbrugh. The Forces Influencing the American Economy. N. Y., 1965, p. 30.

³ A. Barach. USA and its Economic Future. N. Y., 1964, p. 21.

⁴ E. Shils. Automation and Industrial Relations. N. Y., 1963, p. 73.

ново, стихийно и не отвечает гармоническому развитию общественного хозяйства. Новейшими научными достижениями капитализм полностью воспользоваться не может, так как его производственные отношения создают объективные препятствия, замедляющие темпы развития производительных сил. Все это демонстрирует глубокую пропасть между техническими возможностями и практическим применением научно-технических достижений. «Общество пришло в состояние конфликта с техникой», — признал один из лидеров американских профсоюзов У. Рейтер.

Несмотря на всю противоречивость и непоследовательность «технологических теорий» в объяснении насущных проблем капитализма и в определении перспектив дальнейшего развития американской экономики, эти теории продолжают широко находиться на службе буржуазной апологетики. Их основная идея о том, что все современные трудности капитализма порождены техническим прогрессом, но что техника одновременно и решит все эти затруднения, как нельзя лучше устраивает монополии. Подобные обвинения и обещания, опирающиеся на научно-техническую эволюцию, позволяют монополиям замаскировать эксплуататорскую сущность капиталистического строя и объяснить общественному мнению свою мнимую непричастность к его усилившимся противоречиям.

Этим и объясняется причина, почему монополистическая буржуазия США столь активно держится за новые «технологические теории» экономического развития и всячески способствует их распространению в стране.

АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Углубление общего кризиса капитализма в современных условиях сопровождается обострением в США классовых контрастов. Действие всеобщего закона капиталистического накопления привело к дальнейшей поляризации американского общества — усилению водораздела между небольшой кастой правящей элиты и многомиллионной массой трудящихся. В создавшихся условиях монополистический капитал исключительно заинтересован в теоретическом обосновании идеи о социальной трансформации американского общества. Вследствие этого для буржуазных теорий современного экономического развития США весьма характерными являются демагогические рассуждения, имеющие своей целью замаскировать усиление в стране эксплуатации, рост классовых антагонизмов, монополистическое наступление на демократические права американского народа.

Целая плеяда буржуазных экономистов тшится доказать, что социальные основы американского общества за последние годы коренным образом видоизменились, что привело к качественному преобразованию всей экономической системы страны. Манипулируя данными о происшедшем за послевоенный период повышении жизненного уровня некоторых групп американского населения, апологеты буржуазного образа жизни утверждают, что в современных условиях марксова теория накопления, обосновывающая абсолютное и относительное ухудшение положения трудящихся в капиталистическом обществе, устарела. Отжила свой век будто бы и

марксистско-ленинская теория классовой борьбы, не имеющая под собой почвы в общественных отношениях США. На ее место якобы пришли новые производственные отношения социального партнерства, приносящего взаимную выгоду рабочим и предпринимателям. Для современного американского общества характерны, таким образом, уже не эксплуатация, а гармония классовых интересов, не классовая борьба, а ассоциация труда и капитала.

Подобные голословные утверждения послужили основой возникновения и широкого распространения в США псевдонаучных теорий стирания классовых различий, государства всеобщего благоденствия, народного капитализма и других. «Защитники буржуазного строя, — говорится в Программе КПСС, — стремясь удержать массы в духовном плену, изобретают все новые «теории», маскирующие эксплуататорскую природу буржуазного строя, приукрашивающие капитализм. Они уверяют, будто современный капитализм изменил свою сущность, стал «народным капитализмом», в котором происходит «рассеивание» собственности и «демократизация» капитала, исчезают классы и классовые противоречия, «уравниваются доходы» и устраняются экономические кризисы»¹.

Капитализм давно скомпрометировал себя многовековой неспособностью обеспечить лучшую жизнь человечеству, усилением классового неравенства, эксплуатацией человека человеком. В связи с этим, в США пытаются найти новую вывеску для современного буржуазного общества, маскирующую его антинародную сущность. С этой целью за последние годы выдвинута и широко пропагандируется идея об утрате американским капитализмом своих эксплуататорских признаков и социальных противоречий и превращении его в «народный капитализм», обеспечивающий всем гражданам все более равномерное распределение национального дохода.

Истоки этой теории исходят к Ж. Сэю, Э. Бернштейну, Т. Карверу, обосновывавшим в свое время взгляды о выравнивании доходов в капиталистическом обществе.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1965, стр. 52.

Современные апологеты теории «народного капитализма» А. Берли, Г. Паркс, С. Слитчер и другие экономисты, используя практикуемый в настоящее время выпуск множества мелких акций, распределяемых среди большой массы населения, заявляют о «революции собственности», о «демократизации капитала», «диффузии» (распылении) его между миллионами собственников. По их мнению, распространение акционерных обществ в США привело к тому, что капиталисты — держатели акций — превратились в таких же получателей дивидендов, как и все другие акционеры (в том числе и рабочие).

Действительно, за последние годы в США произошло значительное увеличение числа владельцев акций. Десять лет назад их число насчитывало 6,5 млн. человек, сейчас эта цифра увеличилась до 17 млн. человек. В буржуазных кругах утверждают, что в результате этого произошла децентрализация собственности на средства производства и распределение ее путем распространения акций между множеством «новых собственников». В буржуазной прессе всячески муссируется мнение о том, что каждый американец может стать капиталистом, фигура рабочего-акционера выставляется в качестве витрины западного мира. Рабочему внушается мысль, что, имея одну-две акции, он перестает быть рабочим, он уже предприниматель, совладелец предприятия, такой же юридически полноправный хозяин, как и держатели пакета в многие тысячи акций. Капитализм, таким образом, стал «народным». Отсюда выдвигается идея общности интересов, отказа от забастовок и выступлений за повышение заработной платы (иначе «зачем же бороться против самого себя?»). Акция, таким образом, выступает в роли «пряника», отвлекающего рабочих от классовой борьбы.

Однако все эти 17 млн. человек ни в коей мере не являются партнерами, в равной степени влияющими на процесс производства и накопления. Свободное распределение акций лишь создает иллюзию общности интересов акционеров, которые будто бы одинаково заинтересованы в результатах производства и получении прибыли, распределяемой в соответствии с наличием акций. Никакого равенства среди акционеров, конечно, нет. Из числа 17 млн. человек в руках небольшой группы в 272 тыс. человек сосредоточено 80% всей суммы акцио-

нерного капитала США. В составе акционеров лишь 3% рабочих и 1,4% фермеров и не они, конечно, имея на руках 1—2 акции, определяют политику корпораций, а влиятельное меньшинство акционеров, владеющих контрольным пакетом акций. При этом распределение акций между большим числом держателей рассеивает конкурентов и относительно снижает удельный вес контрольного пакета.

По подсчетам В. Перло, например, для господства в корпорации «Дженерал моторс» Дюпонам достаточно обладать 23% выпущенных акций, в нефтяных корпорациях группы Рокфеллеров хватает даже 10—17% акций¹. Мелкие акционеры реального влияния на определение структуры производства, цены, распределение прибылей не могут иметь, так как «вес» голоса оценивается количеством акций, а их у рабочих немного. Без сомнения, рабочий, обладающий несколькими акциями и получающий по существу символический дивиденд, не перестает от этого быть рабочим. Он по-прежнему остается представителем класса пролетариата, эксплуатируемого монополистами.

Оспаривая утверждения о распылении акционерного капитала, американский прогрессивный экономист Дж. Будиш приводил пример корпорации «Эссо стандарт ойл компани», в которой из 27 тыс. человек рабочих и служащих 20 тыс. человек являлись акционерами, владеющими в общей сложности 1,9 млн. акций, т. е. в среднем по 95 акций на человека. На первый взгляд, из этого факта можно было бы придти к заключению о широком участии работников корпорации в ее акционерном капитале. Однако в целом корпорацией было выпущено 230,5 млн. акций. Учитывая это обстоятельство, придется сделать вывод о том, что на долю рабочих и служащих данной корпорации приходилось всего лишь около 1% общего числа акций².

Что же касается вообще развития акционерного дела в США, то оно служит выражением характерного для империалистической эпохи процесса концентрации и централизации капитала, позволяя аккумулировать капитал за счет новых мелких вкладчиков. «Не раздроб-

¹ V. Perlo. The Empire of High Finance. N. Y., 1957, p. 223.

² Дж. Будиш. Народный капитализм. ИЛ., 1959, стр. 32.

ление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а **усиление могущества** крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений»¹, — указывал по этому поводу В. И. Ленин. Вот почему распространение акционерных компаний и увеличение числа держателей акций в современных условиях отвечает интересам крупного бизнеса и означает не разложение капиталистического хозяйства, а его дальнейшее развитие.

Весьма модным направлением в современной буржуазной экономической мысли являются попытки доказать «революцию в доходах», происшедшую якобы в США в послевоенный период. С. Бьюкенен, Г. Грейсон, С. Кузнец, Г. Паркс и другие считают, что «высшие группы» американского населения снижают свои доходы, в то время как «низшие группы» их повышают. В результате этого, по их мнению, произошло уменьшение удельного веса доходов «высшей группы» населения и возникло преобладание в стране «среднего класса» — работников «в белых воротничках» (т. е. служащих), к которым будто бы тяготеет все население США. Так как численность работников «в белых воротничках», получающих «средние доходы», непрерывно растет, то это благоприятно сказывается на увеличении совокупного платежеспособного спроса и размерах рынка.

В подтверждение своих мыслей Э. Гинзберг, например, приводит данные по авиационной промышленности США, в которой на долю служащих (управленческий аппарат, научный, инженерный и технический персонал) приходится 60% всех занятых, а на долю производственных рабочих («синие воротнички») — только 40%². При помощи статистических манипуляций с заведомо неправильными отчетными данными капиталистических монополий сторонники данной концепции пытаются доказать поглощение «средним классом» большей части всех доходов в стране. В результате этой «революции в доходах» будто бы соотношение социальных сил в американском хозяйстве резко изменилось, сглаживаются классовые различия, а перераспределение националь-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 290.

² E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. The Plurastic Economy. N. Y., 1965, p. 153.

ного дохода приводит к сближению жизненного уровня основной массы трудящегося населения и буржуазии.

Однако в состав «среднего класса» методологически неправильно включаются самые различные группы общества, независимо от положения, занимаемого ими в общественном производстве. Трудовые доходы завышаются, так как в них включают жалование высших служащих корпораций, достигающее огромных размеров, а также часть прибыли частных предпринимателей. В то же время объявляемые доходы монополистов искусственно преуменьшаются, они ограничиваются лишь дивидендами и должностными окладами, без учета сумм, идущих в накопление¹. Опираясь при исчислении «средних доходов» на некоторый рост в США уровня номинальной заработной платы, С. Кузнец и его сподвижники игнорируют то важное обстоятельство, что положение трудящихся в капиталистическом обществе и уровень их реальных доходов не может определяться только лишь движением абсолютных размеров заработной платы, а должно учитывать рост товарных цен и стоимости услуг, величину налогов, безработицу большей части населения и т. д.

Сложившаяся в США расстановка классовых сил не позволяет в нынешних условиях уменьшать номинальную заработную плату, поэтому и наступление предпринимателей идет на реальные доходы трудящихся. Исходя из этого и реальная заработная плата трудящихся в США практически не только не повышается, но, наоборот, имеет явную тенденцию к понижению. Учитывая это, следует признать, что реальные доходы значительной массы американских рабочих далеко уступают искусственно исчисленной величине среднего дохода «среднего класса».

Будучи не в состоянии игнорировать такие неотъемлемые спутники капитализма, как рост цен и инфляцию, буржуазные теоретики пытаются найти доводы, оправдывающие их существование. Так, например, А. Хансен, С. Харрис и другие, перепевая взгляды старых вульгарных экономистов, заявляют, что величина стоимости товара определяется денежными затратами капиталиста

¹ См. об этом расчеты С. Леберготтма в книге «The Behavior of Income Shares». Princeton, 1964, pp. 71—77.

на приобретение средств производства и рабочую силу, т. е. издержками производства. Так как в связи с борьбой рабочих заработная плата растет, то увеличиваются и издержки производства, а значит, и цены. В повышении цен, следовательно, виноваты сами рабочие и подстрекающие их профсоюзы со всеми вытекающими из этого вывода последствиями: чтобы стабилизировать цены, надо «заморозить» заработную плату.

С этих позиций выдвигается теория «инфляционной спирали», устанавливающая прямую зависимость величины инфляции от уровня заработной платы: систематическое повышение последней влечет за собой увеличение выпуска денег и их дальнейшее обесценение. Теория «издержек производства» может быть легко опровергнута. Известно, что не издержки производства формируют стоимость товара. Стоимость создается трудом рабочих. Цена товара к тому же не равна издержкам производства, а включает в себя также и прибыль. К. Маркс говорил, что повышение заработной платы не меняет стоимости товара, а лишь сокращает прибыль. Поэтому цены растут не от увеличения заработной платы, а от стремления капиталистов сохранить и повысить прибыли, переложив возросшие издержки производства на потребителя.

Широко распространена теория «регулирования» заработной платы, согласно которой решающая роль в определении уровня заработной платы отводится государственному воздействию. Посредничество государства способно будто бы обеспечить установление «справедливых» размеров заработной платы и улаживание трудовых конфликтов. «Социальная» теория заработной платы пытается определить зависимость уровня доходов от так называемой «социальной силы» рабочего класса, т. е. его способности оказывать сопротивление предпринимателям в их желании еще более понизить заработную плату.

Ошибкой всех этих теорий является отрицание ими того факта, что заработная плата выражает стоимость рабочей силы и представляет собой категорию капиталистического производства, а не категорию распределения. Уровень заработной платы и доходов трудящихся определяется не доброй волей капиталиста или правительственным декретом, а стоимостью рабочей силы,

этого своеобразного товара, присущего буржуазной эпохе. «Справедливых» заработков при капитализме нет и быть не может, так как именно заработная плата отражает эксплуататорскую сущность капитализма. Теория «выравнивания доходов» показала свою научную и практическую несостоятельность. Современное экономическое развитие США, как и других капиталистических стран, полностью отвечает требованиям всеобщего закона капиталистического накопления, в силу которого происходит дальнейшее сосредоточение богатств в руках небольшой кучки финансовой олигархии.

Апологеты «революции в доходах», противореча самим себе, не в силах опровергнуть сохранение в американском обществе «властвующей элиты». Поэтому, чтобы как-нибудь оправдать ее существование, они пытаются утверждать, что якобы «без реально господствующего меньшинства не может существовать ни одно общество»¹. Верхушка американского монополистического капитала действительно захватила господствующие позиции в экономической и политической жизни страны. 6 тыс. крупнейших американских капиталистов получают средний доход около 500 тыс. долл. в год, а 400 наиболее влиятельных мультимиллионеров получают ежегодно свыше 2 млн. долл.²

Социальные антагонизмы растут, и об этом свидетельствует тот факт, что прибыли корпораций не только не уменьшаются, но по сравнению с довоенным временем возросли почти в 5 раз, достигнув рекордно высокой суммы в 31,8 млрд. долл.³. Проблема «выравнивания доходов» не случайно столь интенсивно занимает умы многих буржуазных экономистов, так как опираясь именно на нее, они провозглашают возникновение будто бы в США нового общества, основанного на единстве интересов рабочих и предпринимателей и на их «социальном партнерстве» в процессе производства и распределения. На этой почве распространяется легенда о том, что рост удельного веса в совокупной массе рабочей силы работников «в белых воротничках» за счет вытес-

¹ T. Bottomore. *Elites and Society*. L., 1964, p. 11.

² J. Budish. *Is Communism the Next Stage?* N. Y., 1965, pp. 39, 41.

³ «Statistical Abstract of the United States, 1965». Washington, 1965, p. 496.

нения работников «в синих воротничках» якобы превращает общество из капиталистического (с преобладанием пролетариата) в общество технократов (с преобладанием технических служащих).

Для этого «нового» общества характерна «управленческая революция», идея которой была поддержана «Комитетом по делам экономического роста» США, а также в работах многих ведущих американских экономистов — Ф. Аллена, А. Берли, Дж. Монсена, Г. Симона и других. Сторонники этой концепции утверждают, что в современном технократическом обществе капиталисты (владельцы предприятий) добровольно самоустранились от непосредственной эксплуатации, передоверив функции управления «менеджерам» (управляющим). Последние, находясь на зарплате, сами представляют собой наемных работников, имея поэтому общие интересы с рабочими. Управление производством направлено благодаря этому на обеспечение блага для всего коллектива, т. е. на повышение как заработной платы, так и дивидендов, поскольку большинство работников одновременно является и акционерами.

Ввиду того что рабочие (большинство их относится к кругу работников «в белых воротничках») общаются ныне не с капиталистами, а с подобными себе «менеджерами», они равны в процессе производства, соучаствуют в управлении предприятием и способны к «благоразумному сотрудничеству», так как никто никого уже больше не эксплуатирует. А значит, и предприятия эти потеряли капиталистический характер, а современное общество, как пишет один из первых апологетов «управленческой революции» В. Барнхэм, «следует называть обществом управляющих»¹.

Теория «управленческой революции» исходит из неправильной идеи о том, что акционерные предприятия нельзя причислять к капиталистическим в связи с тем, что функции управления ими перешли от собственника капитала в руки служащих — «менеджеров». Ошибочные корни этой теории состоят в подмене при социальной оценке общества анализа форм собственности анализом форм управления. Однако сущность общественного строя определяется не формами административно:

¹ V. Burnham. The Managerial Revolution. L., 1951, p. 88.

го управления предприятиями, а господствующими производственными отношениями, в основе которых лежат формы собственности на средства производства.

Природа капиталистической частной собственности на современных акционерных предприятиях несколько не изменилась, так же как в полной мере сохранилась на них классовая эксплуатация. При этом наемный рабочий подвергается эксплуатации совершенно безотносительно того, наделен ли он в соответствии с характером своей работы «синим» или «белым» воротничком. Направление производства и извлечение прибыли по-прежнему определяются волей капиталистов — держателей контрольных пакетов акций. Наемные администраторы (управляющие) из числа инженерно-технического персонала выступают в роли доверенных лиц крупных капиталистов и ведут хозяйствование в их интересах. Они служат марионетками в руках финансовых магнатов и если будут плохо делать свое дело, то будут немедленно смещены со своих высокооплачиваемых должностей.

Громадные оклады «менеджеров» носят не трудовой характер, а являются частью прибылей, выделяемых для них подлинными владельцами корпораций. Кроме того, управляющие, как правило, сами являются крупными акционерами-капиталистами, заинтересованными в повышении прибылей, используемых ими для капиталистического предпринимательства. Наблюдаемая в США тенденция отделения собственности на капитал от функционирующего капитала отражает закономерный процесс капиталистического развития, определенный в свое время еще К. Марксом.

Сторонники теорий «революции в доходах» и «управленческой революции» отводят большую роль государству, которое будто бы является орудием всех классов, защищая интересы как буржуазии, так и трудящихся. Используя механизм цен, налогового обложения и национального бюджета, государство может перераспределять доходы и добиваться справедливого их распределения, обеспечивая всем гражданам материальное благополучие. В результате этого, как считают Дж. Голбрейс, А. Хансен и другие буржуазные ученые, классовые антагонизмы в обществе исчезают и на смену им приходят гуманные отношения. При этом, по их мнению,

новое поколение предпринимателей свободно от классовой кастовости и само стремится к сотрудничеству с рабочими с целью классовой гармонии. На этой основе возникает «государство всеобщего благоденствия», которому будто бы свойственна социальная справедливость. По мнению ряда буржуазных авторов, подобное государство в США уже создано, благодаря чему все классы в стране процветают и имеют равные возможности в производственной деятельности.

Однако приписывание государству в США филантропической роли уравнилителя доходов не соответствует буржуазной действительности. Распределение доходов в капиталистическом обществе диктуется не государством и не благими пожеланиями экономистов, а частной собственностью на средства производства. Доходы капиталиста определяются размером вложенного капитала, а доходы рабочего — стоимостью его рабочей силы, продаваемой частному предпринимателю. Это и делает антагонистичными буржуазные производственные отношения, показывая необходимость революционной смены всей общественной системы капитализма для коренного перераспределения национального дохода в пользу трудящихся классов.

В. И. Ленин писал: «Миллиардер не может делить «национальный доход» капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: «по капиталу» (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует)». В подобных условиях, — продолжает В. И. Ленин, «проповедовать справедливый раздел дохода... есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера. Нельзя делить иначе, как «по силе»¹. Вот это деление доходов «по капиталу», «по силе» и сводит на нет все ухищрения апологетов буржуазного способа производства доказать возможность в США «справедливого» и равномерного распределения доходов.

Основная ошибка приверженцев идеи создания «государства всеобщего благоденствия» состоит в том, что они исходят из неправильных позиций о надклассовом характере современного буржуазного государства, способного якобы стать посредником классовых взаимоотно-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 353.

ношений. На самом деле государство в США служит ревностным защитником монополистической буржуазии и имеет тесные связи с финансовым капиталом, в интересах которого и проводит свою экономическую политику. Развитие государственно-монополистического капитализма еще более укрепило эти связи и углубило пропасть между большинством нации и монополиями. Буржуазно-апологетическая болтовня о том, что «государство всеобщего благоденствия» в одинаковой степени заботится о всех группах и слоях американского населения, легко опровергается жизнью.

Достаточно привести данные о том, что за период с 1959 по 1966 г. подоходный налог с населения вырос почти на 35%, тогда как налог с корпораций увеличился лишь на 17%, хотя прибыли монополий за этот же период возросли на 70%¹. Государство крайне мало заботится о нуждах народа. Поэтому даже при некотором вынужденном увеличении государственных расходов на социальное обеспечение, здравоохранение, народное образование в США сохраняется эксплуатация человека человеком, далеко неполная занятость, огромные различия в уровне доходов, дискриминация цветного населения. О каком «всеобщем благоденствии» может идти речь в государстве, в котором противоречия между трудом и капиталом не только не сглаживаются, но обостряются и отражением этого служат рост социальных столкновений в стране, непрерывные забастовки, демонстрации протеста и трудовые конфликты.

Особое место в современных буржуазных теориях экономического развития США занимают вопросы занятости. Хроническая безработица представляет собой проблему, к которой в США приковано внимание всей экономической мысли. Американские теоретики, стоящие на апологетических позициях, видят причину безработицы не в пороках господствующей общественной системы, а в дефектах процесса капиталистического обращения. Многие поддерживают идеи Кейнса о зависимости занятости от уровня производственного и личного потребления. Характерная для нынешнего времени недостаточная «склонность» к потреблению, по их мнению, тормозит развитие производства, а это, в свою очередь, ограничивает вовлечение рабочих в производ-

¹ «Statistical Abstract of the United States, 1965», pp. 393, 496.

ственный процесс. Подобное объяснение, однако, исходит из психологических факторов и, конечно, не может дать правильного толкования объективно осуществляющимся законам капиталистического воспроизводства.

Серьезные обвинения выдвигаются в адрес технического прогресса и автоматизации, которые изменили структуру спроса на рабочую силу и вытесняют из производственного процесса значительные массы трудящихся. Конечно, структурные изменения в производстве, возникающие вследствие технического прогресса, влияют на спрос и предложение рабочей силы. Однако наблюдаемая ныне резкая диспропорция между ними вызвана не сдвигами в техническом оснащении предприятий, а анархией капиталистического хозяйства, отсутствием плановости в развитии производства, подготовки и распределения рабочей силы. Капиталистическая система не способна рационально использовать имеющиеся трудовые ресурсы.

Отмечается воздействие на занятость недостаточных темпов экономического развития США, затрудняющих формирование в хозяйстве новых рабочих мест. Большие надежды при этом возлагаются теперь на правительство. Считается, что частный сектор не в состоянии обеспечить занятость поступающей на рынок рабочей силы, и этот пробел должен восполнить государственный сектор¹. Делаются предположения, что занятость представляет собой функцию заработной платы. Поэтому, чем выше уровень заработной платы, тем будто бы ниже занятость, так как капиталисты стремятся сократить число работающих².

За последнее время в американской экономической литературе распространилось мнение о том, что наиболее действенным методом борьбы с растущей безработицей явилось бы законодательное сокращение рабочей недели и уменьшение возрастных границ пенсионного обеспечения с тем, чтобы вызвать благодаря этому увеличение потребностей в рабочей силе. Исполком американского профсоюзного центра АФТ—КПП выдвинул в связи с этим предложение о доведении рабочей недели до 35 час. На самом деле, конечно, подобное

¹ E. Ginzberg, D. Hiestand, B. Reubens. Op. cit., p. 212.

² «Automation and Society». H. Jacobson and J. Roucen. ed. N. Y., 1959, p. 283.

мероприятие не может дать ожидаемого эффекта, так как непосредственной зависимости между безработицей и продолжительностью рабочей недели нет. Кроме того, это предложение в случае проведения его в жизнь неминуемо отразилось бы на снижении ставок заработной платы, так как было бы тщетно ожидать согласия монополий на сокращение продолжительности рабочего дня без уменьшения зарплаты. Вот почему подобные предложения были приняты в штыки рабочими.

Президент Джонсон в начале 1964 г. в Послании Конгрессу о положении в стране вынужден был также высказаться против сокращения рабочей недели, мотивируя это тем, что сохранение уровня заработной платы при уменьшении продолжительности рабочего дня вызвало бы увеличение издержек производства и ослабило бы конкурентоспособность американской промышленности. Заметное место в объяснении причин безработицы занимают мальтузианские теории, приписывающие человечеству чрезмерную рождаемость.

Современные неомальтузианцы (Фогт, Пенделл, Пирсон, Кук и другие) видят поэтому ключ к обеспечению занятости в регулировании естественного прироста населения. По их мнению, усиление трудностей в трудоустройстве современного молодого поколения в США вызвано чрезмерно высоким уровнем рождаемости в первые послевоенные годы (70 млн. человек, т. е. почти $\frac{1}{3}$ населения страны, родилось после 1946 г.). К тому же излишний прирост населения тормозит приток капиталовложений и отражается, следовательно, на темпах роста производственных мощностей, а значит, и новых рабочих мест. Профессор Чикагского университета Д. Боуг прямо заявляет, например, о необходимости стабилизировать численность населения, так как рост рождаемости увеличивает безработицу¹. Такого же мнения придерживается и профессор Принстонского университета А. Коул, считающий, что падение рождаемости «ускорит рост доходов и увеличит возможность производительной деятельности для всех взрослых, нуждающихся в работе»².

Однако все подобные рекомендации не могут привести к желаемым результатам. Безработица в условиях

¹ «The Population Dilemma», Ph. Hauser, ed. N. Y., 1964, p. 93.

² Ibid., p. 69.

капитализма непреодолима. Ликвидировать ее в рамках буржуазного строя невозможно. Этим объясняется теоретическая убогость и практическая беспомощность рецептов, предлагаемых буржуазными авторами по ее устранению. К. Маркс открыл капиталистический закон народонаселения, согласно которому буржуазные отношения порождают относительное перенаселение, т. е. создают население, «избыточное» относительно потребностей капиталистического производства. Появление и рост резервной армии труда представляют собой, таким образом, специфическую закономерность капитализма и являются следствием повышения органического строения капитала.

Рыночное предложение рабочей силы в условиях капитализма всегда превышает существующий на нее фактический спрос. Это приводит к тому, что значительная часть работоспособного населения находится вне производственного процесса, несмотря на настойчивые поиски работы. Общество благодаря этому несет громадные невосполнимые потери. Безработица лишает лиц, потерявших работу, средств к существованию и ставит их в положение бесправных «париев», а для работающих создает атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Безработица стала подлинной трагедией «американского образа жизни».

О провале теоретических предложений, выдвинутых буржуазными авторами для обеспечения полной занятости, свидетельствует сохранение безработицы в США на рекордно высоком уровне, отстраняющем от участия в производственном процессе около 5% общей численности рабочей силы. Вот почему, признавая отрицательные экономические последствия безработицы и воздействие ее на углубление в стране социальных антагонизмов, все буржуазные апологеты склоняются ныне к мнению, что она неустраима. Не случайно, в долгосрочных прогнозах американских экономистов фигурирует сохранение безработицы в США на уровне примерно 3,5 млн. человек в качестве нормального явления¹.

Отвечая на обвинения в адрес американского правительства о его неспособности обеспечить в стране

¹ B. Brown and J. Hansen. Production Trends in the United States through 1975. Stanford, 1957, table. IV.

полную занятость, в официальных кругах США также заявляют, что занятость должна считаться «полной» даже при безработице, равной 4%, учитывая естественную склонность людей к миграции, что сопряжено с временной потерей работы. Подобные утверждения, однако, вряд ли могут быть признаны логичными, так как странно было бы думать, что эти 4%, которым соответствует 5 млн. человек в США вместе с их семьями, одновременно находятся «на колесах», добровольно покинув прежнее место работы. Кроме того, если человек ушел с работы, подыскав новую, он и не числится безработным. Ведь учет числа безработных производится не по количеству увольнений, а по регистрации людей, в течение длительного времени не могущих найти для себя работу.

Вместе с тем следует признать, что сама по себе безработица выгодна капиталистам. Их беспокоит лишь «чрезмерная» безработица, чреватая обострением социальных конфликтов. Что же касается «нормальной» безработицы, то в ее существовании и даже умышленном стимулировании буржуазия попросту заинтересована, так как она давит на заработную плату в сторону ее снижения и помогает предпринимателям держать в узде работающих, постоянно находящихся под угрозой быть выброшенными за ворота предприятия. «Буржуазный миф о «полной занятости», — говорится в Программе КПСС, — оказался зловещей издевкой — рабочий класс постоянно страдает от массовой безработицы, от неуверенности в завтрашнем дне»¹. Идея «социальной трансформации общества» широко используется в США в целях маскировки обострившихся в стране социальных противоречий.

В современных условиях трудно игнорировать неблагоприятное положение в США с разрешением общественных проблем, нельзя не видеть наличия в стране явлений нищеты наряду с процветанием господствующей верхушки населения. Подобное положение выступает разительным контрастом при сравнении с высокими достижениями в области повышения народного благосостояния, достигнутыми в социалистических странах. Борьба за умы людей разворачивается с новой силой и нужны большие

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 30.

ухищрения, чтобы доказать превосходство капиталистической общественной системы. В этих условиях становится чрезвычайно ценной для буржуазии распространение социальной демагогии, предназначенной для отвлечения трудящихся от классовой борьбы и доказательства возможности установления в США общего благополучия для всех.

Рабочих стремятся убедить в необходимости психологической ломки их убеждений, направленных против «старого», якобы уже исчезнувшего капитализма. Нужно лишь потерпеть сотрудничать с капиталистами и все «образуется» само собой. В основу производственных отношений кладут моральные факторы. Целая школа «индустриальной психологии» пытается убедить американских рабочих в их заинтересованности в получении наивысших производственных результатов, в необходимости лояльного отношения к «менеджерам», в нежелательности трудовых конфликтов. В качестве одной из главных задач выдвигается идея преодоления «асимметрии партнеров» в производственном процессе и установления в обществе атмосферы «духовного братства».

Теория «народного капитализма», «управленческой революции», «государства всеобщего благоденствия» и другие как раз и выступают с утверждениями, что за последние годы американское общество коренным образом видоизменилось, качественно отличается от прежнего, довоенного капитализма и таким образом в стране спокойно, без революции совершаются глубокие социальные преобразования. При этом государству приписывается осуществление комплекса мероприятий, направленных на повышение народного благосостояния, уничтожение в США имущественных контрастов и устранение базы для социальных противоречий.

Именно этими идеями буржуазные теоретики защищаются против усилившихся нападков на скомпрометировавшие себя устои капитализма и пытаются пропагандировать формирование в США нового «справедливого» общества. Распространение подобных теорий широко используется и в международном масштабе, так как при экспорте буржуазных идей выступает необходимость всячески рекламировать достижения «американского образа жизни» в качестве мнимой вершины в си-

стеме мирового капитализма. Совсем не случайно президент Джонсон торжественно клялся приложить все усилия для ликвидации в США проблемы нищеты и создания «великого общества», свободного от нетерпимых классовых контрастов.

Время показало, как далеки оказались обещания Джонсона от действительности. Все проекты перераспределения доходов и возникновения «государства всеобщего благоденствия», попытки доказать «народность» современного капитализма, проведение «управленческой революции» и ликвидацию в США классовых различий оказались типичной маниловщиной, возможность осуществления которой опровергается самой жизнью. В стране по-прежнему господствует монополистическая олигархия и государство рьяно защищает ее эгоистические интересы. Никакой социальной справедливости и классового мира не достигнуто. Нет ни равноправия, ни общего благоденствия. Пропасть между двумя полюсами американского общества продолжает углубляться. Иллюзия процветающего общества не удалась. «Классовые различия в Америке становятся скорее более устойчивыми, чем стираются»¹, — с полным основанием констатирует американский экономист В. Паккард.

Буржуазные теории «социальной трансформации общества» терпят банкротство, они не в состоянии отменить обоснованные марксизмом-ленинизмом законы развития капитализма и демонстрируют свою научную несостоятельность при первом же соприкосновении с реальной действительностью. Все эти теории игнорируют объективные производственные отношения капиталистического общества, основанные на частной собственности на средства производства. Именно частная собственность влечет за собой социальное противопоставление рабочих и капиталистов, рождает антагонистические отношения между ними и создает непримиримые общественные противоречия. Социальное преобразование капиталистического общества может быть достигнуто лишь на базе революционной смены буржуазных производственных отношений социалистическими путем создания общественной собственности на средства производства и устранения господства имущих классов.

¹ V. P a c k a r d. The Status Seekers. N. Y., 1959, p. 27

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Особенности экономического развития США на современном этапе	12
Глава II. Проблема темпов и «теории экономического роста»	32
Глава III. Буржуазные теории государственно-монополистического и «регулируемого» капитализма	54
Глава IV. Технологические теории современного экономического развития США	76
Глава V. Апологетические теории социальной трансформации общества	94

В. Г. Сарычев

**Критика буржуазных теорий
современного экономического развития США**

Редактор В. Я. Верещагина

Художник Л. М. Чернышев

Технический редактор А. К. Нестерова

Корректор Т. Д. Хромцева

А-12243. Сдано в набор 27/VII—67 г. Подп. к печати 2/XI—67 г.
Формат 84×108^{1/32}. Объем печ. л. 3,5 5,88 усл. п. л. Уч.-изд. л. 5,65
Изд. № ЭК-141 Тираж 7000 экз. Заказ 1871 Цена 23 коп.

Тематический план издательства «Высшая школа»

(вузы и техникумы) на 1967 г. Позиция № 376

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,

Издательство «Высшая школа»

23 коп.

ВЫСШАЯ ШКОЛА • 1967